

16+

Виктор Ананишнов

Ходоки во времени

МНОГОЛИКОЕ ВРЕМЯ
Книга 3

Виктор Ананишнов

**Ходоки во времени.
Многоликое время. Книга 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Ананишнов В. В.

Ходоки во времени. Многоликое время. Книга 3 /
В. В. Ананишнов — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Третья книга о Ходоках во времени! Время разнообразно и может проявлять себя так, как не ожидает никто. Пишите свои отзывы автору - электронный адрес в конце книги. Увлекательного прочтения).

Настоящее – тень прошлого,
будущее – рассеянный свет настоящего.

Человек – это странник с рожденья,
Он рождается на судне,
Под которым волнуется время...
Мэтью Арнольд

Часть восьмая

ПЕРЛИ и ТАРСЕНЫ

Земля – это огромный театр, в котором
одна и та же трагедия играется
под различными названиями.
Ф. Вольтер

...там на неведомых дорожках
следы невиданных зверей...

А. Пушкин. Руслан и Людмила

Грань будущего

– Долго тебя не было, – не обратив внимания на приветствие Ивана, со свойственной ему бранчивостью высказался Джордан и, изображая независимость, выставил в сторону ходока нижнюю челюсть и почесал заросшую бороду. Оскалил зубы и противно засмеялся. – А у нас тут Дигон побывал. Важный такой, чистенький. Будто не он с ног до головы провонялся, когда по году здесь не мылся. И не один сюда заявился. А дураков своих приволок. Прятать их здесь удумал. Смех один...

– Кушеры они, – терпеливо поправил его Иван. – Знаешь, Джордан, я вот думаю, что ты всё-таки когда-нибудь сам себе свой язык откусишь и выплунешь. Поганый он у тебя.

– Не откушу, – насупился местный ходок Кап-Тартара, отступил от Ивана на шаг. – Сам-то, зачем опять пришёл? Воспитывать? Так я уж тут без вас... как-нибудь...

– Помолчи, болтун! – слегка прикрикнул на него Иван.

Он ещё в прошлый раз заметил, что Джордан прямого натиска не выдерживает, пасует.

– Да я...

– То-то! Когда научишься с людьми говорить нормально? Ты же умный человек, а как рот свой раскроешь, так будто... Не буду говорить, в кого превращаешься... Ладно. Ты что, забыл, для чего я к тебе приходил? В будущее пойдём.

Джордан агакнул.

– Ну и!.. – подстегнул его Иван, видя нерешительность собеседника. – Что опять? Бояться ты как будто уже перестал.

– С тобой чего бояться? Другое. Я вот тут... – замялся Джордан и как-то виновато посмотрел на собеседника, словно нашкодил что-то, а теперь пытается выкрутиться. – Ну, после того, как ты ушёл... Я вот думал... А есть ли оно, это будущее?

– Есть. А куда оно денется?

– Вот я и говорю...

– Ты говори, но давай я тебя послушаю по дороге в это самое будущее... А что?

– А ничего! После тебя я туда не совался. – Джордан сжал губы, уморщил лицо. – Не поверишь, ждал твоего прихода, чтобы стать на дорогу времени. А без тебя – никакого желания.

– Хорошо, что хотя бы здесь наши с тобой желания совпадают. Веди!.. Да, да, сейчас! А что тебя держит? Ну что тебя здесь может держать? Семья? Дети?.. Вот именно, что ничего? Тогда не мешкай, пошли!

– Пошли, – обречённо сказал Джордан, чуть позже буркнул: – Куда только торопимся?

Ведомый Джорданом, Иван легко пробил грань его будущего. Правда, в этот раз пришлось почему-то тянуть ходока, будто пробку из бутылки, но в течение всего нескольких шагов, зато потом тот поистине как пробка выскочил за пределы своего настоящего и совсем перестал тяготить Ивана.

– Ну, КЕРГИШЕТ! – ахнул Джордан, обозревая с открытым ртом раскинувшуюся перед ним ширь.

– Что у тебя? – сделав попытку освободиться из его рук, спросил Иван.

Джордан цепко держался за его рукав и не отпускал.

– Поле... Поле ходьбы... Настоящее! И никаких цветных участков. – Джордан обернулся. – Только там, за нами, темнота...

– Постой, постой!.. Ты же в прошлый раз говорил, что я тебя неоднократно пробивал в твоё будущее. И ты тогда...

– То было будущее прошлого, а сейчас будущее настоящего, – невозмутимо поведал Джордан, как о какой-то безделице.

Зато Ивану его объяснение не сказало ничего, напротив, прозвучало абракадаброй какой-то.

– Ты сам-то понял, что сейчас сказал?

– А что я сказал?

– Вспомни!

– Ну-у... Ты же знаешь, что у меня тут время на время норовит наползти. Иногда оно как будто будущее для меня, но только в прошлом, – начал пояснять он, однако без надежды, что собеседник поймёт его, добавил: – А?

– Продолжай!

– Так я же всё сказал.

Иван вздохнул. Конечно, интересно всё это, но стало надоедать: вот говорят, а друг друга не понимают.

– Ладно, потом поговорим. Итак, ты видишь...

– Поле ходьбы, если я вас всех понимаю правильно. Ям или провалов почти нет, а закрытия... столбы... Столбы есть, но странные какие-то, прозрачные.

– Так, может быть, и должно быть, – подбодрил его Иван, хотя не был в том уверен. – У меня тоже кое-какие перемены.

Перемены заключались в вернувшейся способности свободно ориентироваться и почувствовать себя хозяином положения, а не быть слепым котёнком, которого ведут неизвестно куда.

Временной канал обрамлялся невысокими холмами справа и слева, но впереди явно просматривался монолит будущего. И чем ближе они подходили к нему, тем увереннее Иван чувствовал себя. Здесь он знал точно, где находится, и мог самостоятельно выбирать для себя дорогу времени.

– Вот и граница моего будущего, – оповестил он Джордана, когда туманный водопад истекающего настоящего времени в прошлое окутал его ноги.

Ходок испуганно осмотрелся, инстинктивно хватаясь обеими руками за предплечье Ивана.

– Будет тебе, – отстранился от него Иван. – Давай решай. Здесь меня подождёшь или сам попытаешься вернуться?

– А ты разве сюда не придёшь?

– Мне всё равно.

– Ты приходи сюда, а я тебя лучше тут подожду. Найду ли без тебя дорогу назад? Из своего настоящего будущего? – Джордан выглядел растерянным, но сказал, будто давал наставление: – Раз ты меня сюда привёл, то и уводить должен обратно. Я же тут, в этом поле... нахожусь как в тёмной незнакомой комнате. Ты-то быстро наловчился, а я... – Джордан помолчал, прикидывая что-то в уме. – Но если я тут останусь, то ведь унесёт же меня куда-нибудь. А? И ты меня не найдёшь.

– Никуда тебя не унесёт. Отпусти мою руку. Постой без связи со мной. Один. Давай, давай!.. Ну вот.

– И вправду стою сам, – обрадовался Джордан.

– Здесь стабильный ток времени. Будь только ближе к... Что ты сейчас видишь впереди?

– Ничего особенного. Если вот только... Небольшой уступ перед нами... Ступенька. И она как будто движется... Э-э, КЕРГИШЕТ!.. Она же точно передвигается! Ползёт!

Иван усмехнулся: опять «ползёт».

– Куда же?

– От нас... Осыпается... Край осыпается и ступенька отступает.

– Прекрасно! Ты, наверное, видишь грань моего будущего. Хотя странно. Я вот твоей грани не заметил.

– Ну, так, то ты, а кто я? Ты – КЕРГИШЕТ, а я – так себе, – Джордан сказал и хитро посмотрел на Ивана.

– Ладно тебе приbedняться-то, – хмыкнул Иван. – Но перед тобой ступенька, а у меня – кое-что покруче. Гора.

Он в двух словах объяснил крайне заинтересованному его рассказом Джордану видение монолита своего будущего. Можно было этого не делать, но Иван непроизвольно оттягивал момент ухода за грань настоящего. Что-то там его ожидало? Навряд ли что-нибудь хорошее, если оттуда когда-то толпы людей кинулись по временному каналу в прошлое, лишь бы избавиться от проклятия виртуального мира, в котором они жили.

– Эге, КЕРГИШЕТ! А как же ты на неё взберёшься? – по-своему понял его Джордан. – На гору?

– Зачем взбираться? В ней, надеюсь, как и везде, есть прорехи. Так пройду... Да, если после моего ухода что-то изменится, стой на месте. Если нет, то определяйся по уступу, который видишь.

– Понятное дело, – уныло отозвался моментально поскучевший Джордан. Ему тоже было трудно побороть себя и остаться одному в незнакомом поле ходьбы, да к тому же в своём будущем. – Ты там... – скромно попросил он, – будь недолго.

– Ты же ходок во времени. Что для тебя долго или недолго? Я там пробуду вечность, а для тебя моё отсутствие – практически ничто.

– Оно так...

– Тогда жди! Да я особо зарываться сегодня и не буду. Вначале посмотрю лишь, что там и как.

Иван шагнул к монолиту и слепо упёрся в него руками, ощущая щекотливость в ладонях от таяния стенки настоящего.

Этот монолит сильно отличался от знакомого Ивану в его мире.

Настоящее ли разъедало его неравномерно или будущее сопротивлялось наступлению настоящего, но сплошной преграды не было. Так что вскоре Толкачёв втиснулся в узкую щель, которая вывела его в поле ходьбы будущего.

Впрочем, глубокая увалистая ложбина, ограниченная террасистыми возвышенностями, представившаяся его взору, мало походила на поле. Скорее на ущелье.

Сразу за монолитом, то есть в ближайшем будущем, дорога ходьбы, на первый взгляд, была вполне проходимой, но дальше, подобно бородавчатым наростам, теснились какие-то непонятные образования. Возможно, закрытия. Редкие невдалеке, они густели поодаль, где число их многократно увеличивалось, превратив отдалённое будущее в непроходимый вал, над которым бушевала светотенью мгла. Там, наверное, не было ничего, там заканчивал своё существование параллельный мир перлей...

Тёмный задний фон поля ходьбы, прорезаемый резкими мгновенными вспышками за пределами будущего, придавал панораме дороги времени жутковато-тревожный вид. Так случается перед грозой: округа темнеет, природа затаивается перед первым порывом ветра, и где-то блещут гигантские молнии...

Иван постоял на месте, невесело обозревая такой же невесёлый пейзаж поля ходьбы. Повернуть бы назад, но тогда ради чего он сюда пришёл? Надо было выбирать место и время выхода в реальный мир.

Готовясь проникнуть в будущее Кап-Тартара, Иван хорошо, как ему казалось, изучил пригороды Лондона, но лишь по карте города. Выбрал северную часть, памятуя рассказ Первопредка Эламов о Йоркшире. При том наобум, справедливо считая, где бы он ни реализовался в Лондоне перлей, всё будет одно и то же, поскольку совершенно не знал месторасположения лаборатории Пекты. Или не лаборатории, а чего-то там ещё, откуда он начал пробивать канал времени.

Да и совпадал ли Лондон перлей с Лондоном его мира? Тоже вопрос?

Сомнения терзали его, так ли он всё делает, но и отступить уже от задуманного не было смысла.

Стражи порядка

В реальном мире только-только наступало утро – период глубоких снов и покоя. В такие часы всё словно затаивается перед ошеломляющей деловитостью грядущего дня... Плывут молочные туманы, свежий ветерок пробует терзать листву, а каждый неосторожный звук слышен так далеко, что неузнаваем по происхождению: просто звук, колебание воздуха, поток...

Так или примерно так должно было быть.

Но в том реальном мире, где реализовался Иван, ничто не напоминало подобной идиллии начальных мгновений перехода ночи к дневному бытию природы.

Сырой ночной воздух был пропитан гарью пожаров. Где-то далеко постреливали – одиночными и очередями. Невдалеке от точки зоха ухнул взрыв. Разбрасывая искры, догорало высокое здание.

Вокруг – развалины.

Иван глотнул полной грудью после дороги времени, задохнулся, даваясь, стал кашлять. В ответ почти рядом с ним взорвалась граната. Боевой давний опыт бросил его на землю. Он перевернулся, затаился, прислушался. В ушах ещё гудел грохот разрыва и свиста осколков. Чертыхаясь, переполз через груды осклизлых камней в более безопасное, как ему показалось, место, пачкая руки и одежду.

Слишком неожиданно и слишком близко разорвалась граната. Упав она всего в метре в сторону от места своего падения, его изрешетило бы. Спас большой кирпичный блок, отколовшийся от стены, он-то и прикрыл Ивана.

Неужели, появившись здесь внезапно, он, тем не менее, тут же стал мишенью?

– Иго-го! – прокричал кто-то не далее как в десятке шагов, как раз за разрушенной стеной какого-то здания, к которой Иван сейчас прижимался спиной.

– Иго-го! – отозвались чуть, может быть, дальше, но с противоположной стороны.
«Вилка!» – отметил Иван, анализируя обстановку.

Но уходить на дорогу времени он не торопился. Кто знает, как его встретят в другом выходе с неё. Здесь, пока что, пронесло. Если мишенью был он, то, наверное, те, кому он мешал, придут посмотреть на дело своих рук. Тогда: надо подождать их появления и вступить в переговоры, или уж тогда скрыться?

Но ни того, ни другого не хотелось делать.

Проявляясь, Иван помнил рассказ первопредка Эламов из-за Пояса Дурных Веков, так что мог ожидать чего угодно. Однако столь мгновенного нападения не предвидел. Такое впечатление, что на него устроили засаду. Ведь граната должна была практически уже быть готовой к броску тогда, когда он ещё только выходил из поля ходьбы.

Но точку зоха он выбрал сам и совершенно случайно. Может быть, не там, где наметил, рассматривая карту, но выбор у него был в достаточно широком интервале времени, текущего в реальном мире. И излёт ночи выбрал специально, когда все должны спать, и дабы не привлекать внимания к своему неожиданному возникновению перед каким-нибудь случайным свидетелем.

Всё учёл, кроме такой встречи...

Никто не пришёл, не поинтересовался.

Швырнули гранату, напомнили о себе криками – и канули в мрак истекающей ночи.

Сумрак меж тем постепенно рассеивался. Блекли зарева пожаров. Заглохло пламя и в недавно горевшем поблизости здании. Где-то далеко что-то гроыхнуло, дрогнула земля, со стены посыпалась каменная крошка и пыль.

Иван тупо смотрел на покрывающиеся рыжим налётом джинсы. Он сидел уже без малого час, а вокруг ничего не происходило. Было холодно, и он, остерегающийся ненароком произвести шум и получить под ноги очередную гранату, стал замерзать.

Но и сидеть – так ничего не высидишь.

Пора бы подняться, пойти, посмотреть, поискать. Надо каким-то образом выбираться отсюда. Находясь на окраине города, он был лишён возможности увидеть события, которые происходят и в этом районе, и в центре его. А они именно там и должны происходить.

Наконец он решился.

Медленно, скрипя всеми онемевшими суставами, поднялся на ноги и осторожно заглянул через кирпичный блок, защитивший его от осколков. За ним всего в нескольких шагах белым облачком курился затухающий небольшой костёр. Над ним металлическая перекладина, подпертая с двух сторон кирпичами, с подвешенной на нём громадной, покрытой толстым слоем сажи, кастрюлей.

Вокруг костра трое спящих в свободных позах. Одеты в пятнистую камуфляжную одежду, на ногах кроссовки. Один лежал в обнимку с пулемётом, двое других даже во сне не выпускали оружие, по-видимому, автоматы. Пулемёт и автоматы были незнакомы Ивану. Во всяком случае, их конфигурация отличалась от тех систем, которые он повидал, будучи в армии. А там можно было встретить системы подобного оружия различных стран. Рядом со спящими валялись мешки, объедки, вскрытые консервные банки...

Кто-то из них, похоже, и бросил в него гранату.

Непонятно было, кого эти люди представляют собой: засаду, секрет или сами по себе. Последнее Иван тут же отбросил, вспомнив, что за стеной, в которую он только что опирался спиной, был ещё кто-то. Но и в засаде или секрете так безмятежно не спят.

Отмечая и контролируя каждый свой шаг, он двинулся в обход спящих людей. Ему удалось преодолеть не более пяти метров. Со спины раздалась негромкая, но требовательная команда по-английски:

– Стой! Руки за голову!

Иван подчинился и неторопливо, чтобы резким движением не вспугнуть того, кто стоял за ним, обернулся. Почти рядом переминались с ноги на ногу двое с автоматами на изготовке.

Молодые, но тёртые, определил с первого взгляда Толкачёв. От таких ребят сразу не отделаешься, и в противоборство с ними вступать не следовало – моментально прошьют очередь, как бы он не был быстрым.

– Стою, – как можно спокойнее сказал он.

– Видим, – недовольно проговорил один из них, словно Иван своим покорным видом обидел его, и закинул автомат за плечо. – Кто такой?

У него было лицо индуса – смуглое, овальное, глаза сливами, живые, жгуче чёрные, волосы тёмные. Его напарник – увалень с широкой фигурой, особенно ниже груди. Он нервно поводит стволом автомата из стороны в сторону.

– Иду вот... А тут...

Как отвечать или что следовало говорить на заданный вопрос, Иван совершенно не представлял. Не думал о том, так как не предполагал подобной ситуации. Оттого не подготовился. В Афгане моджахедов или подозреваемых либо сразу обыскивали, либо... Нет ничего – иди, есть – другой разговор.

Здесь же всё иначе.

– А тут, а тут! – вдруг взорвался увалень. – Что, а тут? Хлеб и масло вам здесь подготовили, что вы все прёте сюда, будто вас здесь ждут, не дождутся? Подышайте там, где грядёт, и не мешайте другим это делать, но без вас! Надоели!..

«Блокпост здесь, что ли? – мелькнула у Ивана догадка. – Может быть, пришлых со стороны в город не пускают?»

– Но сказали... – Иван замялся, совершенно не зная, как напомнить им о Пекте.

Если они о нём знают, значит, он попал в то время, ради которого сюда пришёл. Если не знают, то придётся что-нибудь придумывать. Он набрал в грудь больше воздуха, что бы решить сразу все проблемы.

– И этому сказали! – почти простонал увалень и тоже убрал автомат. – Что тебе сказали? Ну что? Он врёт, а вы все уши развесили и как собачки бежите к нему...

– Подожди, Фрэд! Он-то при чём тут? Ты же знаешь... Так что тебе сказали? – обратился индус к Ивану.

Что ему могли пообещать в этом мире?

– Долгую жизнь, – сказал он и опустил руки.

Команды вновь поднять их не последовало, Иван расслабил затёкшие мышцы.

– Если хочешь долго прожить... – увалень, названный Фрэдом, запнулся. – Если не хочешь её укоротить, то можешь, конечно, идти туда, куда идёшь. Но, наш тебе совет, лучше возвращайся туда, откуда пришёл.

– А там, думаешь, лучше? – приободрился Иван.

Первые слова произнесены, ему пока ничто не угрожает. А поговорить надо, можно узнать что-нибудь полезное.

– Откуда? – тоже расслабляясь, поинтересовался индус.

– А! – будто в сердцах отмахнулся Иван, мол, какая разница?

Его ни чего не значащее восклицание, наверное, уже неоднократно звучало перед этими вооружёнными людьми, так что вызвало у них явное понимание.

Они переглянулись.

– Оно так, – упавшим голосом подтвердил Фрэд.

– Вы-то с кем воюете? – наконец решил спросить Иван.

Индус невесело усмехнулся.

– Мародёры, банды... – нехотя ответил он и потерял интерес к разговору.

– Таких дураков, как ты, охраняем, – недовольно проворчал увалень.

Упоминание о дураках заставило Ивана внимательнее всмотреться в сказавшего – не родственник ли он Джордану? Или у них здесь так принято выражаться по поводу и без него?

– И много таких, как я? – изобразил Иван на лице и в голосе тревогу, подразумевая, что его кто-то уже опередил.

Фред так его и понял.

– Ха! Тебе, наверное, казалось, что ты сюда первым прибежал? А вас тут набежало...

– Берегись! – тонко выкрикнул индус, падая на землю.

И тут же невдалеке протарахтела автоматная очередь.

Иван мгновенно последовал за индусом, а Фред, приоткрыв рот и округлив глаза, словно от сильного удивления, стал медленно заваливаться на бок. Колени у него подогнулись, и он комом осел на битый кирпич.

Сколько уже раз Иван видел подобное падение, поэтому определил – недавний его собеседник убит наповал.

– Фред! – воскликнул его напарник и хотел броситься к нему.

– Лежать! – крикнул на него Иван. – Он убит и ты...

Индус был прикрыт от стреляющего по нему надёжно, свою же позицию Иван оценил так себе. К тому же он был безоружен и точно не засёк местонахождение противника. Доставать из заплечного мешка пистолет, а тем более бластер, на виду стражника было безумием.

Несколько мгновений он прислушивался, выжидал. Индус с тревогой оглядывался. Было тихо. Иван решился, резко вскочил и метнулся к кирпичному блоку, за которым укрылся индус. По дороге подхватил автомат Фреда, выпавший из его рук.

Вдгонку раздалась очередь, пули клацнули, выбивая красные фонтанчики вокруг труп Фреда, но Иван уже лежал бок о бок с индусом и торопливо рассматривал подобранный автомат, неизвестной ему системы.

Впрочем, какой бы системы тот ни был, но создавался он не для того, чтобы долго можно было думать, как из него стрелять. Поэтому, мельком оглядев его, Иван уже знал, как надо это делать, но всё-таки спросил стражника:

– Как он стреляет? Я таких автоматов никогда не видел.

– А, просто, – сказал индус. – Оттяни это... нажмёшь на это. Только не торопись!

Послышалась отчаянная стрельба оттуда, где Иван видел спящих стражников.

– Напали на наш пост, – пояснил индус и с опаской выглянул из-за укрытия.

– Так это ваш пост? Так чего же тогда они там все спали?

– Опять спали! Стервецы! – зло сказал стражник, но чувствовалось, что говорит он так не первый раз. – Фред из-за них погиб.

Позади них раздался шорох. К ним подполз перепачканный человек в розовой одежде, она хорошо его камуфлировала на фоне кирпичной крошки. Индус приветствовал его поднятием руки и молчаливым знаком – не высовывайся.

Одновременно из-за громадного блока бывшей стены выглянул один из постовых. Взгляд его остановился на убитом.

– Что тут у вас? – начальственным тоном осведомился приползший, краем глаза наблюдая за Иваном.

– Фред убит, – судорожно перевёл дыхание индус.

– А ты куда смотрел?

– А я что? Этого проверяли, – кивнул стражник на Ивана. – А эти, – очередной кивок в сторону поста, – как всегда проспали. Вот кому-то и удалось. Сколько раз говорили им не спать, а они, как только доберутся...

– Фрэда жалко, – без сожаления в голосе сказал одетый в розовое, не дослушав рассказ-упрёк индуса. – А ты кто? – подозрительно глянул он на Ивана.

– Из дураков, – небрежно бросил индус, пока Иван собирался что-нибудь сказать в ответ. – По зову прибежал.

– Несёт их!.. Тут без них... А они прут! – забубнил в розовом, явно теряя интерес к пришлому.

Похоже, подумалось Ивану, лексикон стражей замкнулся всего на десятке слов: «дураки», «несёт», «прут», «а тут»...

– Что рожу корчишь? – не дал опомниться ему приползший, по всей видимости, начальник всех этих вояк. – Стрелять умеешь?

– В тире всегда попадал.

– То-то, в тире, – не то осудил, не то одобрил начальник и обратил своё внимание на постового, всё так же поглядывающего то на мёртвого Фрэда, то в сторону живых. – Проспали? Вы-то все живы?

Постовой неопределённо дёрнул головой.

– Ну! – подхлестнул его одетый в розовое.

На окрик неведомый противник отозвался длинной очередью.

Чуткий слух Ивана в этот раз определил, где устроился стрелок.

– Он там, – показал Иван через кирпичный блок. – У него там амбразура.

– Я тоже так думаю... Ты хорошо, смотрю, ориентируешься в таких вещах... Похвально! Эдвард, – начальник протянул перепачканную руку удивлённому Ивану.

– Э..э... – замешкался Иван, но, понимая нелепость своего промедления, когда надо просто назвать своё имя, которое должно слетать с его губ в мгновение, спохватился и выпалил: – Джек!

– Берут, – не остался в стороне индус и тоже протянул руку для знакомства.

– А ты, Кашен, ещё долго будешь молчать, когда я тебя спрашиваю? – опять взялся за постового Эдвард.

– Ранены они, – махнул тот рукой за себя и поспешно добавил? – Легко. Царапины, а не раны.

– Ранены, значит. Легко, говоришь? – протянул Эдвард и потерев себя за подбородок. – Ладно... Подумаем, что делать.

Вояки все они, с точки зрения Ивана, всё-таки были аховыми, включая и их командира – Эдварда. А вначале показались тёртыми бойцами. Но инициативу на себя он брать не собирався, хотя лежать на битых кирпичах тоже было не ахти.

Стражи думали, если думали, конечно, долго и молча. Впрочем, все, наверное, ждали, что скажет Эдвард, а тот молчал, ни на кого не глядя и хмурия жидковатые брови.

Неведомый стрелок ещё дважды напомнил о себе, сделав несколько бесцельных выстрелов. Он явно там нервничал, не видя каких-либо действий со стороны тех, у кого он недавно подстрелил одного из них.

– Давайте сделаем так, – не выдержал Иван. – Его надо отвлечь, а я посмотрю, где он точно залёг. И... Я его, как в тире. А?

– Здесь не тир, – наставительно сказал Берут. – Ты для него тоже мишень.

– Когда много мишеней...

– Именно... – прервал его Эдвард, но охоты особой продолжать, что он имел в виду, не последовало.

Иван пожал плечами.

– Я хотел сказать...

– Это я понял. А как отвлечь его, ты тоже знаешь?

– Это каждый знает, – огрызнулся Иван. – Пусть этот, – показал он на постового пальцем, – приклад автомата приподнимет или камни побросает.

Эдвард покровительственно усмехнулся.

– Вижу, начитался... Это хорошо, когда лёжа на диване...

– А на кирпичках лучше? – не остался в долгу Иван, чувствуя, что заводится.

– Да уж, не лучше, – согласился командир. – Кашен, шумни-ка там. Да только сам не попадись! – И Ивану: – Действуй! Но, смотри, чтобы он не оказался быстрее тебя. Это в тире ты один стреляешь, а здесь и ответить постараются.

Иван не обиделся, чтобы быть быстрее его в таких делах, надо по-настоящему нюхнуть пороху, а тут таковых не было. Но и рисковать особо он не собирался.

Как только прогремели первые выстрелы на шум, поднятый постом, Иван стремительно приподнялся и тут же чётко увидел стрелявшего. Тот и вправду занял прекрасную позицию, и всего метрах в тридцати.

Стрелок сразу заметил новое действующее лицо, но опоздал на мгновения. Автомат дрогнул в руках Ивана и послал прицельную очередь, откинувшую противника от амбразуры.

Эдвард дёрнул Ивана за куртку, требуя, чтобы тот спрятался.

– Да всё уже, – наконец сказал ходок, выходя из-под укрытия. – Нет его больше.

– Ну да? – не поверил Эдвард.

– А кто он?

– Да кто угодно, – с опаской поглядывая по сторонам, решился подняться Эдвард. – Попал автомат в руки, они сразу у него начинают чесаться. Хочется пострелять... Но как ты его! – восхитился он. – Это надо уметь.

– Как в тире, – скромно отозвался Иван, довольный собой донельзя.

Ведь сколько уже лет вот так не стрелял: навскидку, при возможности самому получить пулю. А сумел, успел опередить. Как в былые времена. Что-то затеплилось в груди. Нахлынули ненужные сейчас воспоминания.

– При такой стрельбе в тире можно все игрушки выиграть, – заявил Берут, но укрытие не покинул.

– Я имел в виду спортивный тир.

– А-а... Так бы и говорил. А то – в тире.

Эдвард направился с Кашеном посмотреть раненых. Оттуда донеслись его ругательства. Вернулся он злой, с лицом подстать своему одеянию.

– Не столько ранены, сколько скулят, – сказал он с досадой на немой вопрос Берута. – Пусть сами добираются до лазарета... А эту... амбразуру надо взорвать. Иначе другой любитель пострелять объявится. А уж если хулиги придут... – Он в сердцах сплюнул. – Ладно. Пойдём, посмотрим.

Они с трудом пролезли в дыру, из которой стрелок поразил Фреда.

– Да, Джек! Прямо в лоб!

Но не свой удачный выстрел поразил Ивана, хотя им он мог гордиться, а тем, что у недавнего стрелка обнаружил автомат Калашникова. Он удивился, а у Эдварда и Берута вообще случился шок от находки.

– Ну, где они такое достают? – словно драгоценность, баюкая в руках оружие, приговаривал Эдвард. – Никто не знает, где и кто его делает, – пояснил он невольным слушателям. – Будь у нас таких автоматов хотя бы десятка два, мы хулиг давно разогнали бы по углам.

Иван внимал его словам скептически, тот держал автомат выпуска ещё, наверное, до его, Ивана, рождения, лет сорок тому назад. И кучность, и дальность стрельбы из него резко отли-

чались от новых выпусков. Тем более что местный автомат ему показался вполне приличным оружием.

А ведь кто-то пробивает «калаши» сюда из нашего мира, – озадачился Иван. – Вот вопрос к Симону.

В карманах убитого, тощего, заросшего жёсткой щетиной немолодого уже человека, нашлось ещё два полностью снаряжённых патронами рожка, вызвавшие неопишное ликование Эдварда. Берут с затаённой завистью посмотрел, как командир прячет рожки, и стал готовить амбразуру к подрыву.

– Вот что, Джек, – вдруг посерьёзнев, сказал счастливый обладатель АКа. Он покосился на Берута и тихо продолжил: – Не хочу ничего спрашивать, кто ты есть на самом деле. Но чтобы так стрелять, – он показал на кровавое пятно, почти в центре лба убитого, – в тире не научишься.

– Но-о...

Эдвард оказался прозорливым человеком. Он наверняка понял, что пришлый выдаётся себя не за того, кто он есть на самом деле.

«С ним надо держать ухо востро», – сообразил Иван.

Однако было хорошо, что, раскусив его, Эдвард не стал вдаваться в подробности и оставил своё открытие только между ними.

– Никаких но! Иди к нам, в добровольную армию по наведению порядка в стране. Нам такие, как ты, нужны. Нет, правда, – поменял он тон голоса на просящий. – Ты же видишь, с кем мне приходится иметь дело? А ты... Повторяю, мне нет дела до твоей биографии... А ты, по всему видно, умеешь не только это.

Иван покачал головой. Не за тем он сюда пришёл. Но и нечего ему было показывать свою прыть. Реакция Эдварда понятна, так что надо было как-то выкручиваться.

– Я бы рад, – сказал он осторожно, – но я обещал вернуться.

– Ещё один посланец, – с досадой высказался Берут. – Сами идут, других посылают...

– Пусть так, – с нажимом вставил Эдвард, перебивая высказывание стражника, и обращаясь к Ивану. – Но ты знаешь, сколько таких, как ты, пришедших сюда просто посмотреть, потом домой не вернулось? Каждый второй из них лежит здесь под развалинами, – ткнул он пальцами под ноги. – Просто забросан мусором. Или уплыл в море на корм рыбам, а то гниёт где-нибудь в подвале. Как вот этого, – он брезгливо поддел носком грубого армейского башмака руку убитого Иваном, – мы сейчас присыплем или вон как тех, что вчера, наверное, были с ним.

Эдвард показал на невысокую приподнятость из камней, едва заметную в хаосе руин, больше похожую на клумбу, чем на могилу.

– Но меня выбрали, – гнул своё Иван, понимая всю глупость своих слов после того, что они здесь наговорили. – Они надеются попасть... И я тоже хочу...

– Пойдёшь с нами, получишь возможность. Может быть, даже пойти первым.

– Правда! – обрадовано воскликнул Иван, а сам подумал: – «О чём это они тут говорят? И я с ними?»

Имя Пекты ещё ни разу не упоминалось, о его призыве уйти в прошлое – тоже. Так что, говоря с ними, он подразумевает своё, но какой смысл вкладывают они в свои слова? Вот в чём вопрос. А если о Пекте они даже не слышали, и о том, что он создаёт временной канал для ухода в прошлое им неизвестно? Напротив, тут, возможно, витают другие слухи, никакого отношения не имеющие к деяниям Пекты, о которых Иван знает лишь по Поясу Закрытых Веков.

Придётся всё-таки начинать выяснение самому. И если что-то будет не так, уходить отсюда на дорогу времени сразу же. Не ждать же пулю в лоб?

– Правда, правда, – неожиданно улыбнулся Эдвард, по-видимому, считая дело сделанным. – Но правда и в том, что для этого надо как следует потрудиться.

– Но Пекта... – начал Иван и остановился, ожидая реакции стражников. – Он же...

– Пекта ничего не решает, – тут же уверенно заявил Эдвард. – Всё отдано Совету. А в нём...

– В нём кому не лень, – бросил реплику Берут.

– Это точно. В нём дурмы заседают, хурки всякие. А командует ими Анахор. Тот ещё тип. На Ивана накатило воспоминание. Его ночной разговор с Эламом Шестым.

«... А дурмы... Дурмы, говорят, потомки хурков. А...

– Объяснил, называется. А хурки кто?

– Как это? – удивились в темноте. – Хурки же! Колдуны и волшебники. Ты же знаешь, Пояс Дурных Веков будто бы их работа...»

– Почему тип? – спросил Берут. – Анахор, говорят, большая вычислительная машина.

– Может быть, и машина, – не стал спорить Эдвард. – Но он и все другие решают. А Пекта... Он, конечно, велик, но сам слишком занят, чтобы заниматься организацией пропуска, порядка и отбора. Для того другие назначены. Опять же дурмами и хурками.

К ним из-за каменного блока вышли трое стражников во главе с Кашеном. Лица двух незнакомцев Ивану были сконфужены. Один прижимал к животу перебинтованную руку, другой слегка прихрамывал.

– Явились, засони, – мимоходом отметил их появление Эдвард и опять повернулся к Ивану.

– И когда всё это... произойдёт? – спросил ходок.

– Спроси ветра! Вот уже почти год тянется... Сам знаешь. А пока все воюют против всех.

– У нас не так.

– Скоро и у вас будет так, – с непонятной злостью сказал Берут.

– К сожалению, Джек, он прав. А обещают... Так это обещают. Якобы, через полгода, а то и раньше. А, может быть, и завтра.

– Однако точность, – заметил Иван, но подумал, что последнее, наверное, всего вернее. Не завтра, так недели через три.

– Через полгода половина вымрет от голода, – снова злобно произнёс Берут и дёрнул головой. – А другая половина друг друга перестреляет. Выходит – конец один...

– Он у нас пессимист, – спокойно проговорил Эдвард. – Никому и ничему не верит.

Индус сверкнул глазами исподлобья.

– А кто вы? – наконец Иван нашёл подходящий предлог выяснить, с кем имеет дело.

– Служба охраны порядка, – почти с пафосом проговорил Эдвард, даже грудь слегка подал вперёд, но тут же деловито продолжил: – Добровольцы... Таких вот пришлых, как ты, вылавливаем. Отстреливаем тех, кто любит побаловаться оружием... А в основном воюем с бандами мародёров. Тебя же, наверное, послали не только посмотреть, но и выяснить, нельзя ли здесь чем-нибудь пожить.

– Я... У нас...

Эдвард отмахнулся.

– Не ты первый, не ты последний. Вот мы таких, как ты, и охраняем.

– Служба охраны в засаде не сидит, – сказал Иван и прикусил язык, так как высказывать своего мнения не собирался.

– Много ты понимаешь, – сквозь зубы процедил Берут, – стреляя в тире там, у себя.

«Дался ему этот тир, – с досадой и беспокойством подумал Иван. – Завидует он мне, что ли?»

– Ты, Джек, на него не обращай внимания, – посоветовал Эдвард, видя напряжение, с коим Иван стал поглядывать на индуса. – Они с Фрэдом дружили... Так ты с нами?

– Мне бы посмотреть всё-таки... – Иван не знал, на что решиться, но понимал одно – сейчас отказываться он не имел права. Иначе, ради чего он сюда шёл?

– Тогда с нами, – резко подвёл черту Эдвард и отвернулся от ходока к своим стражникам, выходящим из-за стены.

Их было с десяток – молодых, изнурённых бессонной ночью. По сравнению с ними Кашен и двое раненых при нём выглядели куда здоровее.

Вокруг громоздились руины. Такое Иван видел только в кинохронике времён Второй мировой войны.

В основном это были какие-то предприятия.

Развороченные стены, вытряхнутое оборудование, в котором с большой долей фантазии можно было узнать станки, стойки, транспортные средства. Повсюду паутиной висели провода и змеились никуда теперь не ведущие фрагменты кабельных линий. Чудом продолжающие стоять стены готовы были рухнуть, казалось, от слабого веяния ветра. Так оно, наверное, и было, и то, что Иван ночью посчитал за близкие взрывы, то это, может быть, был грохот от падающих стен.

Где-то за развалинами поднималось солнце.

Можно было разглядеть не только ужасную картину разрушений, но и полное безлюдье, отчего у Ивана стало зарождаться подозрение о не случайности своего выхода в реальный мир именно к месту расположения патруля Эдварда. Проявись он всего в ста метрах в стороне, и – никого вокруг. А ему угораздило попасть прямо в середину его засады.

Эдвард уверенно вёл свой небольшой отряд.

Иван вначале пытался запоминать дорогу, но вскоре отказался от этого затеи – шли не только по открытому небу пространству, но и какими-то подземными коридорами, брошенными цехами со всей оснасткой. Здесь могли укрыться и затеряться не только банды, но и незаметно раствориться целая армия.

По дороге Иван подменял стражников, несших на импровизированных носилках Фрэда. Эдвард шёл впереди, так что Ивану не было возможности поинтересоваться по поводу отмеченного им полного отсутствия людей и раздолья для бандитов.

А когда удалось, то не рад был услышанному.

– Здесь начудили наши учёные, – неохотно ответил Эдвард, не снижая скорости движения, а шли они довольно быстро. – Взорвали какую-то бомбу. Она взорвалась, а после неё остались какие-то лучи, которые до сих пор убивают каждого, кто здесь пробудет долго. Так что, кому охота здесь быть? Если бы не Фред... Мы обычно обходим этот район вокруг...

Так вот что означало это странное закрытие, а лучше сказать, – полузакрытие-предупреждение. Мол, если хочешь рискнуть и облучиться, а взорвали тут явно атомную бомбу, коль скоро разговор идёт о лучах-убийцах, то выходи в реальный мир, а нет – то обойди и покидай дорогу времени где-нибудь подальше от этого места.

Он припомнил, что ведь видел подобное полузакрытие, когда его выбрасывало из передового будущего в мир, где он не встретил людей. Видел, а значения этому не придавал, поскольку торопился к себе, в своё время и свой дом.

И ещё однажды... А ведь точно!

В прошлом.

Перед встречей с толпой существ на мосту. На него тогда напали летучие твари, одетые в шипастые панцири. Значит, и там что-то рванули?.. После чего и исчезла с лика Земли, быть может, та, предшествующая нам, цивилизация?..

День уже миновал свою первую треть, а путь патруля всё также проходил между каменными и кирпичными завалами, петлял, поднимался и опускался. Ивану всё это уже стало надоедать. Как вдруг стражники завернули за очередную руину и неожиданно влились в шумный поток людей, заполнивших широкую улицу.

Кого тут только не было. Вавилон!

Недомерки и те, кто могли посматривать даже на Толкачёва свысока, смешение всех рас и народов в своеобразных одеждах, взрослые и дети, старики, мужчины и женщины.

Однако сразу бросилось в глаза и ударило по нервам – над всем этим скопищем людей витал дух растерянности и неопределённости. Все они куда-то шли – медленно или быстро, но, несомненно, без определённой цели. Они слонялись от безделья и, в то же самое время, стремились куда-то от внутренней озабоченности, так как, по-видимому, понимали положение, в котором находились, и неестественность собственного состояния в нём.

Стражники прорезали поток в полном молчании. Перед ними расступались и тут же смыкались – толпа вела себя подобно воде с погружённым в неё инородным телом.

Уже входя под арку приземистого строения на противоположной стороне улицы, Эдвард сказал Ивану:

– Они все прибежали сюда, как и ты, на приманку. Вот и думай, куда тебе податься? К нам или к ним?

Иван не ответил, но Эдвард был прав, если бы...

Если бы Толкачёв и в самом деле был тем, за кого себя выдавал. Останься он в толпе, то получает возможность незаметного исчезновения, стоит только углубиться в руины на десяток шагов, равно как и новое появление в этом мире, где его никто не знает, и поинтересоваться им никому не придёт в голову. А в команде Эдварда он станет на счету и на виду. Во всяком случае, его будет знать определённый круг людей, и волей-неволей фиксировать все его действия.

Но и отмахиваться от предложения Эдварда не стоило, ибо как бы там ни было, но стражники по своему статусу всё-таки были ближе к эпицентру грядущих событий.

Было о чём подумать.

Их встречал безобразно толстый и большеголовый тип с маленькими глазками за пухлыми, будто стеганные перины, веками. Широченное лицо его лучилось непрерывным, приклеенным навсегда смехом. Расплющенный нос, толстые губы, ноги как тумбы. Голос под стать фигуре-тумбе: глухой, могучий и невнятный.

– Ещё один... – обратился он к Эдварду. – Ты скоро так станешь буссом и стражником одновременно. Кто там у вас? – показал на прикрытое тело.

– Фрэд, – неохотно отозвался стражник. – Ты посмотри этих. Их слегка зацепило. Но сам знаешь...

– Я-то знаю, – смеялся толстяк. – А они что у тебя, не знают, как беречься?

– Сам туда сходи! – окрысился на него индус.

– А вы тогда на что? – глазки встречавшего совсем скрылись под веками.

– Берут, оставь его! – строго одёрнул подчинённого Эдвард. – Ему ничего не докажешь. Надо поесть и поспать. Джек, так что? – уставился он на Ивана.

– А вот что... Ты мне покажи, куда я могу придти. А я пока потолкаюсь со всеми. Иначе, за чем я сюда шёл?

Эдвард кивнул.

– Ещё один? – точно так же, как недавно об убитом, спросил толстяк.

– И что?

– Да уж слишком здоров. Весь на виду. А тащить его сюда вам придётся на себе, как Фреда, а?

– Пошёл ты со своими шутками! Пойдём, Джек, покажу.

Город

Весь день Иван ходил, слушал, смотрел. Где, проталкиваясь, а где, и подчиняясь общему потоку.

Пекта и иже с ним поработали на славу. Их призыв был услышан.

Сюда, в Лондон, устремилась неуправляемая масса людей, о судьбе которых никто не заботился. Это было скопище, где властвовал только закон сильных, а точнее, умеющих достать пищу и воду. В городе доедали последнее, подвозка продуктов была не налажена, поскольку делать это было некому. Некоторые вспоминали, что ещё месяца три назад можно было получить на пунктах раздачи небольшой, но хоть какой-то паёк. Сейчас это уже вспоминалось с трудом, а для новичков казалось неправдой.

Многие умерли, многие умирали, но город с лихвой пополнял своё население пришлыми, правдами и не правдами, добравшимися сюда, чтобы стать переселенцами из тупикового мира в иной, сработанный обещаниями Пекты.

Впрочем, никто не знал, что это за мир, куда их зовёт Пекта, как это будет происходить, но все, кто поверил в обречённость окружающего бытия и в гений Пекты, пришли и заполнили улицы и площади. Но при этом никому не было известно, где этот Пекта обитает, чего, собственно, и добивался узнать Иван, ибо, где Пекта, там и Напель.

Он всё ещё тешил себя мыслью, что все его потуги проникновения в перливый мир и поиски истоков временного канала, создаваемого в этом мире Пектой, продиктованы одним желанием – увидеть Напель. Но, как он ни старался сам себя в этом убедить, особого стремления к встрече с Напель, которая ещё не знает его, не ощущал. К тому же на её образ навязчиво наложились другие: обаятельная и ненасытная в любви Ил-Лайда и знойная Зизма.

Им сейчас, практически, двигал лишь интерес к происходящему, сам перливый мир, который, судя по руинам зданий, облика людей, культуры и – да по всему, совсем недавно ничем не отличался от уклада жизни, пусть заграничной, но знакомой Ивану по фильмам, книгам и телепередачам с детства.

Ему хотелось узнать, почему ходоки и даже аппаратчики, так бояться перлей. Говоря о них, Симон даже меняется в лице, а Учитель – так тот, рад-радёшенек, что сидит в его маленькой квартире... И этот прорыв из перливого мира, о котором обмолвился Сарый... Хотя сами оттуда же.

Но здесь вокруг, в Лондоне, параллельно существующем с тем, настоящим, откуда пришёл Иван, на его широких и узких улицах, в скверах, он видел лишь обыкновенных людей, обывателей, испуганных обстоятельствами, а также теми, кто решил, что раз всё рушиться и идёт к концу, погреть на этом руки. Однако о бандитах, мародёрах, любителях пострелять по живым целям в толпе не упоминали, о них не говорили и, вообще, не обсуждали эту тему. В ней жили ожиданием: когда же?

Когда же их уведут от этого кошмара подальше?

И решали насущное: где достать еду?

О первом они говорили с воспламенённым, почти безумным, взглядом, а о втором – с потухшим, как о безнадежном деле.

К вечеру усталый и голодный (еду, что была им взята в дорогу, он отдал какой-то группке болезненного вида детей), Иван вышел к реке. Его привлекло сюда отсутствие скопища людей, что затопили весь город, и превратили его в переполненную ими чашу.

Парапет каменной набережной за день прогрелся под скудными осенними лучами солнца, на нём было приятно сидеть.

Иван сидел на берегу мутной Темзы и решал, что сделать: вернуться домой, а потом уж уладить сделку с Эдвардом, или наоборот? Размышляя, он всё больше склонялся к первому варианту, так как он не накладывал на него никаких обязательств – ушёл и ушёл. Объяснялось

такое заключение просто: Иван с молоком матери впитал чувство долга, культивируемое в его семье родителями. И если он сейчас договориться, то будет обязан...

К сожалению, как он уже представлял, вся его жизнь ходока как раз и состояла теперь из этого пресловутого обязательства, не смотря на то, что умом он понимал всю никчёмность этого чувства. Тем не менее, оно занозой сидело в нём, заставляло суетиться во времени, переживать за тех, кто вскоре окажется за гранью Пояса Закрытых Веков, об аппаратчиках, куше-рах, ходоков и в"ыгов.

Понимал, но ничего с собой сделать не мог. Раз должен, то надо выполнять!..

По реке мимо медленно проплывал мусор, кособочились бочки, мелкими заплатками проползали обезличенные трупы животных и людей. За полчаса отдыха Иван машинально насчитал не менее двух десятков раздутых долгим нахождением в воде людских останков. Тогда сколько же их покоилось на дне?!. И сколько их уже уплыло?!.

Он и сам едва не оказался в воде, а то и в компании тех, кого неторопливое течение уносило в море.

Ватага молодых людей, разношерстная по составу и почему-то с вывернутыми карманами широченных штанов, отчего похожая на стаю ушастых двуногих созданий, явно в подпитии добытыми где-то крепкими напитками, развлекалась на набережной. В основном тем, что задирали присутствующих здесь людей; то здесь, то там затевала потасовку. Если получала дружный отпор, то задиры с шутками и прибаутками, отступали, словно и не было ничего, а одиночки и группы слабее старались избегать их внимания.

Толкачёв, сидящий в задумчивости на парапете в полном уединении, привлёк их своей кажущейся беззащитностью, как жертва забавы.

– Ах, кто это тут?.. Мыслитель, видишь ли!.. Откуда же он к нам пришёл такой умник? – стали они весело задавать вопросы и отвечать на них, накатываясь всей гурьбой со всех сторон, отрезая Ивану путь на набережную.

Иван коротко оглянулся. Смерил их взглядом. Несмотря на холодную погоду, компания весельчаков сплошь была босая, да и вообще, наверное, давно отказалась от какой-либо обуви. Из-под штанин выглядывали грязные ступни давно не мытых ног. А во всём остальном – ребята как ребята, лет по пятнадцати, может быть, двоим-троим – и за двадцать.

Сделав вид, что ничего особенного не происходит, Иван вновь стал смотреть на воду. Пока они там перебрасывались репликами, он лишь настороженно прислушивался к их неиссякаемой фантазии по своему адресу, однако когда их дыхание и осязаемые волны агрессии стали достигать его спины, он резко поднялся и оказался перед ними лицом к лицу.

Его рост, формы тела и лёгкость движений слегка смутила подступивших к нему. Но и пасовать перед одним они не собирались. Это стало видно, как они жались друг к другу, ища поддержки в чувстве локтя, крутили головами, проверяя, не дрогнул ли кто, и ни на шаг не отступили назад.

На короткое время установилась немая сцена.

Иван как можно дружелюбнее посматривал на парней – обычные ребята. Поэтому он надеялся таким образом решить неожиданное противостояние мирным путём. Они, со своей стороны, хотя и кривили лица в усмешке, но с опаской следили за его действиями.

Поскольку никаких действий от одиночки не последовало, то, в конце концов, хмельная кровь победила робость, и первый из ватаги со сдавленным вскриком бросился на Ивана и увлёк за собой остальных.

Вначале ходоку было тесно оттого, что одновременно надо было отбиваться от целого десятка желающих дотянуться до него рук и ног.

Ивану вначале казалось, что стукнет он слегка одного-другого, и инцидент будет исчерпан. Хочется ребятам порезвиться, пусть им, но и стать игрушкой для них он не собирался.

Однако первые кровавые сопли, обнаруженные у некоторых из них от не сильных ударов Толкачёва, не пошли впрок. Напротив, команда перестроилась, выдвинув вперёд не самого на вид здорового, но шустрого малого. Он принял стойку, которой Ивана учили лет двадцать без малого тому назад, то есть ученическую и трогательную в своей нелепости.

«Ноги!.. Руки!.. – резко и повелительно подсказывал когда-то тренер. – Локти!.. Локти!.. Смотри мне в глаза!..»

Этому парню всего этого не хватало, но он, похоже, в такой позе был уверен в своей неуязвимости до наглости. Весь вид его говорил: – вот я, возьми меня, если сможешь, конечно.

Иван, конечно, смог, поведя одной рукой в сторону, а другой ткнуть его в солнечное сплетение. Тот с глухим стоном-выдохом согнулся и упал на колени. Иван сделал шаг назад, давая возможность остальным оценить и приём, повергнувший их дружка, и благородство к противнику, которого он мог сейчас добить одним ударом ноги в голову.

Он даже намеревался сказать им несколько слов о необходимости оставить его в покое, иначе-де, так будет с каждым, кто попытается к нему приблизиться с явно недружескими намерениями.

Ни того, ни другого они не оценили, и высказаться не дали, а набросились на него опять всей толпой.

Пришлось Ивану несколько раз приложиться к особо рьяным драчунам с тем, чтобы дать им, наконец, по-настоящему почувствовать, с кем они имеют дело.

Не успели получившие отпор вытереть побитые носы и придти в себя от шока полученных ушибов, как, бесцеремонно растолкав их во все стороны, появился Эдвард со своей командой...

– Неплохо, Джек! Неплохо! Замечательно! – скороговоркой комментировал он, подходя и разглядывая расквашенные физиономии хулиганов. – Мы тут патрулём. Прибежали к нам, говорят, драка. А это ты!

Иван сумрачно слушал его и не верил ни одному его слову.

После бессонной ночи, какой из них патруль – у всех глаза как щёлки, слипаются. Да и кто бы это побежал и рассказал ему, если здесь драчка происходит постоянно?

Следил, поди, за ним и этих подонков к нему подослал?

Правда, со стороны смотреть, так в той массе людей, где он сегодня толкался, будто песчинка в прибое огромного пляжа, не так-то просто кого-то высмотреть. Конечно, он возвышался на пол головы над всеми...

И всё же...

Тем временем Эдвард внушительно отчитывал компанию. Оказывается, многих из них он знал по именам и даже упоминал их родителей, что также добавляло Ивану уверенности об устроенной за ним слежке и управлении этими хулиганами.

Чуть позже Эдвард объяснил:

– Ещё полгода назад это были вполне нормальные ребята. В школах учились, некоторые работали. Тот же Харви... Как ты его!.. – покривил он губы в сочувствии. – Отец его держал в строгости... Забот с ними не было. Мой участок считался тихим... Всё бывало, конечно, но только не они... Дэнис!.. Ты слышал? Это наш человек, – Эдвард показал на Ивана. – Да и знать надо, на кого наваливаться.

Дэнис, долговязый, лет двадцати малый, всё время держался в тени, но он-то и был предводителем шайки малолеток. У него уже сложился холодный, целеустремлённый взгляд светло-коричневых глаз. Ранние залысины открывали высокий лоб интеллектуала.

– Пошёл ты!.. – огрызнулся Дэнис. – Ваш... Наш...

– Наш, Дэнис, – вступил в разговор индус. Он, похоже, настроен был к банде более агрессивно, чем Эдвард. – И мы тебя предупреждали. Стоит тебе тронуть наших...

– Имеет значение? – парировал Дэнис. – Достанется всем. И вашим, и нашим. Так в чём разница? Сейчас или завтра?

– Есть! И ты знаешь, – по-отечески строго сказал Эдвард. – Убирайтесь-ка отсюда и ведите себя скромнее. Иначе я рассержусь!

Дэнис ухмыльнулся, махнул рукой своим.

– Пошли! Иначе он рассердится.

– Смотрите у меня! – напутствовал им Эдвард.

Сценка журени и обмена репликами, устроенная перед Иваном, снова заставила его подумать, что Эдвард играет против него, ибо страж порядка, каким бы он ни был, мог использовать иные методы и слова, чтобы утихомирить распоясавшихся молодых людей.

Проводив взглядом уходящих драчунов, Эдвард подступил с вопросами к Ивану.

– Как? Насмотрелся?

– Насмотрелся, – хмуро отозвался Иван.

Берут хмыкнул, но промолчал.

– И как тебе это всё показалось?

– Плохо, – ходок кивнул на очередной раздувшийся труп человека, неспешно несомый рекой. – Скоро большинство там будет.

– Нет, – не согласился Эдвард. – Они будут там, – он указал пальцем в небо, заставляя посмотреть туда не только Ивана, но и остальных стражников. – И если верить нашим хлыгам... предсказателям будущего, всё произойдёт в одночасье.

Теперь с этим утверждением не согласился Иван, так как на дороге времени можно было явно рассмотреть следы незакрытых площадок поля ходьбы, где ещё будут, возможно, теплиться островки исчезающего перливого мира.

– Не уверен, – сказал он, но распространяться на эту тему и объяснять своё несогласие не стал.

– Не важно, – отмахнулся страж порядка. – Ты решился на что-нибудь?

– Я-то решился... Но мои друзья...

– Ну-у, – протянул Берут, закатывая глаза.

– Они бы вам тожегодились. – Иван говорил, а в голове у него складывался, как ему показалось, удачный план. Он даже усмехнулся пришедшей мысли. – Они...

– Не тани, Джек!

– Думаю, некоторые из них согласятся вступить в вашу команду.

– Отряд, – поправил Эдвард.

– Я и говорю.

– И где они, твои друзья?

– Как где? Там, где я живу.

– А где ты живёшь?

Иван про себя чертыхнулся. Опять ему надо выкручиваться. Дёрнуло его за язык.

– Не важно, – как можно беспечнее проговорил он.

– Ха! Но это важно. Я о том, когда ты сможешь привести своих друзей? Если завтра, то хорошо. А через месяц вы никому, наверное, уже не будете нужны. Так что считай и решай.

– Через... – Иван надул губы. – Три... Нет! Четыре дня.

Иван, конечно, мог бы назвать промежуток времени и в десять часов или меньше – сколько ему позволял деват, но демонстрировать такую свою прыть поостерёлся.

Эдвард со скучным видом посмотрел на него, ему жаль было упускать такого бойца.

– Что ж... Четыре дня приемлемо. Хотя, – вздохнул он протяжно, – хотел бы я знать, что будет через четыре дня?

– Ещё хуже будет, – сказал Берут. – Мы вот пока держимся, но сам знаешь...

– Оставь, не о том разговор. Что, Джек?

– Меня надо бы отвести к тому месту, где мы с вами встретились. Там мне легче будет выйти из города по знакомой дорожке.

– Хорошо. Берут, отведёшь?

Индус будто только и ожидал момента, когда к нему обратятся. Он показал идеально белые зубы.

– Ты думаешь, он вернётся? Я по его глазам вижу, что не дождётся, когда отсюда унесёт ноги.

Улыбка скользнула по лицу Эдварда.

– Я точно так же считаю. И будь я на его месте, поступил таким же образом. Но...

– Мне нет смысла вас обманывать, – поспешил заступиться за себя Иван. – Если они не согласятся, приду сам. Честно! Вы же обещаете, что...

– Но-но! Не обещаем, а предполагаем.

– А-а.

– Да ты не отчаивайся и не обижайся, – с усталым вздохом сказал Эдвард. – Не ты первый и, надеюсь, не последний. Просто, знаешь ли, – он рассеянно осмотрел небо. – Надоело всё это. Ожидание, стрельба, неурядицы... Сегодня могут бомбить город...

– Кто? – опешил Иван.

– Кто, кто? Да кто угодно! Любой пилот, у которого сдали нервы или кто случайно дорвался до штурвала. Не бомбить, так... Вон посмотри!.. Да, развалины... Туда недавно врезался какой-то свихнувшийся на истребителе. А-а... У вас таксон тоже не работает?

Иван едва не спросил, что он имел в виду. Но интонация Эдварда говорила о какой-то известной вещи, объяснять значение которой нет необходимости, все о ней знают. Чтобы не отвечать, Иван с виноватым видом развёл руками.

– Да, конечно, – кивнул Эдвард. – О тикпоне даже не спрашиваю. А как хорошо было. Сидишь себе дома, а тебе показывают, где что происходит... Как сам там побывал. Теперь никакой связи. Если хочешь с кем-то поговорить, беги сам, а то посылай кого-нибудь. Так и бегаем...

Он же упоминает телефон и телевидение! – догадался Иван.

– Я давно уже...

– Понятно, – перебил его Эдвард, занятый своими мыслями или воспоминаниями. – Откуда у вас? Когда Эриксона за два дня булькнула под воду, и все эти два дня мы тут видели ужас, происходящий у них, то многие заговорили, что тикпон из разряда проклятых изобретений. Эти страшные валы воды, уничтожающие всё на своём пути вместе с теми, кто их успевал заснять... А потом в Европе решили выяснить тысячелетнюю правду о границах. Вспомнили, кто где жил, кто пришёл и несправедливо захватил земли, и стали колошматить себя, то... Кто-то у нас догадался уничтожить в первую очередь связь... А всё виноваты индоны. Проклятое племя!

– При чём тут индоны? – возмутился Берут. – Они давно уже предупреждали о конце света. Никто не обращал внимания. А когда началось, так виновными оказались они...

Иван молча переваривал названия. Берут явный индус, индеец, так индоны, наверное, индийцы. Европа?.. Европа?.. Эриксона?.. Быть может, Америка?.. Как далеко струя времени этого перливого мира отошла от нашего!

– Прости, Берут!.. Я это так, накопело... Ты, Джек возвращайся. У меня на тебя надежда. Мы тут с Берутом поговорили. С каждым днём всё хуже и хуже. Мои стражники, – Эдвард замялся, оглянулся на пришедших с ним, – люди разные. Вот мы с Берутом и решили... Ты нам подходишь.

Иван посмотрел на Берута, тот отвёл глаза. Похоже, Эдвард поставил не на того.

– Я приду точно! – сказал он.

– Вот и хорошо. Берут, отведёшь!

Джордан облегчённо вздохнул, заметив набирающий плоти контур вернувшегося назад КЕРГИШЕТА.

– Сколько времени я отсутствовал? – первое, что спросил Иван.

– Я не считал, – растерялся Джордан. – Сам знаешь, здесь время...

– А ты прикинь на себя.

– О! Часа два, – тут же сказал Джордан. – Но у нас говорят, когда ждёшь, пять секунд могут показаться вечностью.

Иван кивнул.

– Ждать да догонять – хуже занятия нет. Выводи меня. И вот что, Джордан. Я скоро вернусь в Кап-Тартар и, по всей видимости, не один. Ты, пожалуйста, не сердись на меня, что тебе опять придётся сюда тащиться и не только со мной. Так надо... – Иван помолчал, невнимательно осматривая округу. Они шли по дороге времени, ведомой только местному ходоку. – А может быть, и не надо.

Последние слова он произнёс машинально, в такт своим мыслям. Сдался ему этот перливый мир? Побывал, посмотрел. Что хотел, не нашёл.

И неизвестно, стал бы он и вправду возвращаться, но всё повернул Джордан.

– Возьми меня с собой. Туда, – неожиданно и смиренно попросил он. И заторопился с объяснением своей просьбы. – Ты, КЕРГИШЕТ, сразу мне не отказывай. Если бы ты знал, как мне надоело юродствовать в этом проклятом, забытым временем и выпавшим из пространства, Фимане!.. Я там превратился в клоуна!..

Он что-то ещё говорил, всхлипывал, а Иван прикрыл глаза и словно слышал Эдварда, который несколькими минутами назад (для Ивана) говорил то же самое: как ему всё надоело!

А ему самому?

Ему разве не надоело всё то, чем он занимается сейчас, во времени? Ещё как надоело! И он был бы рад вырваться из этого тесного круга.

Размышляя так, Толкачёв стал понимать Джордана, поэтому, не задумываясь о последствиях, пообещал:

– Возьму!

А про себя подумал, что пусть Джордан будет первым его спутником. Только куда?

Ответа он ещё не знал.

Перли, и не только

Разговор с Учителями, как и предполагал Иван, оказался сложным. Они не понимали его желания добраться до Пекты. Напель, как серьёзный довод в пользу этого странного, по их мысли, мероприятия, ими сразу была отвергнута, стоило только Ивану заикнуться о ней. Других же аргументов у него не было. Не повторять же Учителям каждый раз, что им движет жажда приключений, истоков которой он сам не мог для себя уяснить.

Казалось бы, мало ему того, с чем он, практически, повседневно сталкивался в поле ходьбы и на дороге времени? Так нет! Будто загорелось где-то внутри и жжёт. Такое впечатление, что если он этого не сделает, то сам себя обманет, а этого ой! как не хочется.

Но больше всего нареканий вызвало у Учителей его готовность уговорить некоторых ходоков последовать за собой. Он только заикнулся, а его собеседники, словно в раз, были выбиты вообще из колеи.

– Ты!.. Их хочешь заманить к перлям! – трагическим голосом воскликнул Сарый. – И ты думаешь, они согласятся?

Он оглянулся на Симона, тот промолчал, но вид его говорил о том же, что и Сарый.

– А почему нет? – молчание Симона, пусть и неодобрительное, подвигло Ивана поспорить. – Они же часто встречаются с перлями на перекрёстках струн времени. Но я не о том. Им

же, наверное, будет интересно посмотреть исход массы людей-неходовоков по искусственному каналу времени в прошлое. Они смогут увидеть рождение этого канала, а не руины его. Даже воспользоваться им, дабы понять, как и почему образовался Фиман и те, мифологические по сути, образования, о которых вы упоминаете, как Хан-Тартар и Рам-Тартар. А, Учители мои? Интересно же! И почему фонтан в Фимане...

– Увидели и узнали. Что дальше?

Сакраментальный вопрос Симона, холодный до неприязни, заставил Ивана оборвать переходящую в пафос речь. Он посмотрел на него с приоткрытым ртом.

И, правда, что дальше?

Но почему они его не понимают?

– Ты пойми, Ваня. Ведь это авантюра. И при том связанная с риском. – Симон на мимику ученика не обратил внимания, он внимательно изучал аккуратно подстриженные ногти на пальцах своих рук. – Исчезновение перливого мира не проходит даром для этого, нашего. Ибо всё взаимосвязано. Это событие, поскольку само время обрывается рядом с нами. А там нет ни будущего, ни будущего времени. Нет завтра... будущего часа, минуты, в конце концов. И что происходит потом, никто не знает. Целый мир замкнулся, закончился, угас... Это я так говорю, но ни одно перечисленное слово ни о чём определённом не говорит... Все те ходоки, кто волей или неволей оказывались в тот гибельный момент ушедших уже параллельных струн, никогда больше не возвращался к нам. – Он помедлил и добавил: – Поистине, они ушли в иной мир, откуда нет возврата.

– Но я видел там, в поле ходьбы, оазисы...

– А ты уверен, что будешь находиться именно там, где возникнет временной оазис умершего мира? И потом... Ты всё, Ваня, меришь на себя. Но ты – КЕРГИШЕТ. Ты, может быть, успеешь выскочить оттуда в последний момент или шагнуть за грань струны. А те, кто пойдёт с тобой? Что будет с ними? Вот о чём мы тебе пытаемся сказать.

Иван помедлил с ответом.

Или – вопросом.

Он ещё не знал, как сформулировать пришедшую мысль. А она была немаловажной, по своей сути, и касалась самих Учителей. Вот почему он медлил. Однако следовало поставить точки над «и», потому что разговор его с ними стал выходить за рамки обычного. Проблема перлей встала сегодня во всей своей неопределённости для Ивана. Пора было получить сведения обо всей подноготной феномена перлей.

– Но и вы, мои дорогие Учители, ведь тоже перли в этом мире. – Он констатировал. – В этом, моём мире! Тогда я вас просто обязан бояться. И не только вас! – Иван не стал уточнять, почему Симон осуждающе покачал головой. – Сдаётся мне, что большинство ходоков столпились... Именно столпились в настоящем этой струны времени или разбродились по ней, и только по ней. И что же теперь?

– Но, Ваня...

– Исчезнет ваш мир, – не обратив внимания на Сарыя, пытавшегося что-то сказать, продолжал высказываться Толкачёв, – исчезните вы? И я вместе с вами? Так?

Сарый осел в кресле, Симон побледнел. Вопросы ученика им, по всей видимости, были весьма неприятны.

– Я полагал, что ты уже достаточно знаешь о нас, чтобы не подозревать и не думать так, как сейчас говоришь, – сказал Симон, медленно поглаживая колени.

– Да, да, Ваня, – с просительными нотками поддакнул Сарый.

Его карие глаза заволокла дымка печали.

– Я высказал только то, что слышал от вас Симон. Это вы поведали мне о незавидной участи тех, кто в момент ухода перля в небытие окажется рядом с ним.

Симон покривил губы, словно говоря, что нельзя ловить на слове.

– Это так, Ваня, – сказал он вялым голосом и прокашлялся, словно поперхнулся. – Хотя, может быть, в том утверждении, о котором я тебе говорил, присутствует некоторое преувеличение...

– Ничего себе! – воскликнул Иван. – Вот это преувеличение!

Симон кивнул.

– Но вначале о нас... Да, мы ушли в своё прошлое и столпились, как ты тут изволил выразиться, здесь. В этом мире, времени и струне. Тому есть причины. Но исчезновение наших миров в будущем ещё далеко. И исчезнут ли они, ещё неизвестно никому. Некоторые перливые миры существуют сотни и тысячи лет. Оттого твои опасения по поводу ходоков, которых ты знаешь, и с которыми сталкивался на дороге времени, преждевременны. А столпились... – Симон повёл головой, словно решил умерить свою горячность, с которой он выпалил последнее слово. – Я тебе уже говорил, что нас, ходоков и временниц, особенно современников, чей кимер может пересекаться, осталось слишком мало. Нам же, как некой общности людей со специфическими способностями необходимо общение, сотрудничество и поддержка. Не будь Камена, кто бы стал твоим Учителем?.. Ума не приложу. И твой детский рывок во времени заметил тоже перль. Так-то, Ваня. Теперь о струне... Эта струна времени вашего... твоего мира оказалась в данном промежутке развития планеты или даже, всё может быть, данного участка Галактики или Вселенной в целом, самой постоянной. Мы не знаем пересечек с другими параллельными мирами, то есть с перлями, вот уже почти три тысячи лет. Немногие могут пройти до этого окна. У кого кимер позволяет, тот рано или поздно приходит к нам сюда. Вот почему мы с тобой говорим, предупреждая об опасности. Там, куда ты сейчас готов сунуть свою голову и повести кого-то за собой, всё иначе. Там преддверие кончины бытия, параллельного этому. – Симон надолго замолчал. – А ходоков, пришедших от перлей, бояться нечего...

– Но вы-то тогда почему боитесь? – возразил Иван, слегка ошеломлённый длинным монологом Симона и последним утверждением.

– Конечно, боимся. Но лишь тех, кого не знаем, откуда они и как оказались здесь. Вот почему, когда ты впервые объявился в поле ходьбы, тебя даже аппаратчики встретили настороженно.

– Вы хотите сказать... есть, значит такие, кого вы не знаете?

– К сожалению, есть. Не в том беда. Есть те, кого ожидает скорое исчезновение. Такие ходоки и временницы опасны.

– И что? Они знают о своей участи?

– Да, Ваня.

– Страшновато.

Симон вздохнул.

– Наверное. Не в том беда. Большинство из них понимает своё положение. Они стараются не навредить окружающим. Но, правда и в том, что некоторые ожесточаются перед угрозой быть вычеркнутым не только из списков живых, но и вообще из истории со своим миром. Они предпочитают уходить не одному, а в компании не подозревающих о том находящихся в соприкосновении с ними людей... Все они, Ваня, и хорошие, и плохие, просто вычёркиваются из жизни без следа. Их нет смысла искать нигде, даже на небесах. Их нет, и – всё!

Симон сказал и поскущел.

– Теперь я понимаю, почему это Пекта назвал своё детище Поясом Закрытых Веков. Ему удалось отгородиться от мира, которого уже нет или не будет.

– Не думаю, – сказал Симон. – Он просто остановил время.

– Вы говорите, как в"ыг. Он тоже твердил мне об остановке времени.

– Я думаю, здесь разные понятия феноменов времени. В"ыг говорил о философском понимании остановки времени, а твой Пекта...

– Почему это – мой?

Симон отмахнулся и продолжил:

– Он нашёл способ закрыться от своего мира на практике.

– А почему нельзя точно также закрыться перлям-современникам?

– Ну-у, Ваня. Возможность ходьбы во времени – это же врождённая способность. А Пекта создаёт и создаст Творящего Время. На каждого ходока по такому Творящему, так что ли? Но это уже будет не ходока, а аппаратчик. Только, к сожалению, тайменд аппаратчиков – не защита.

– Но если смогли изобрести тайменд, – сказал Иван, – так почему бы ни придумать прибор или устройство, которые могли бы отгородить ходока или аппаратчика от влияния перливого мира?

Симон развёл руками.

– Пытались, Ваня, но... – он дёрнул подбородком вверх, – пока что такой защиты нет и неизвестно, создадут ли. А потом, надо ли?

– Не знаю, – честно признался Толкачёв. – И всё-таки...

– Тебя, Ваня, всегда заносит с какими-то идеями, а реальность намного хуже, – прокрипел Сарый. – О перлях ты от нас услышал всё. Или почти всё. Но мы совсем недавно узнали, что появилась целая группа, прорвавшаяся к нам сюда, настроенная на одно – как можно больше здесь навредить.

– Целая группа? Но, Учителя! Такого не бывает. Один смертник – ясно. Но сразу группа. Тогда у этих перлей что, тоже секта? Камикадзе?

– Возможно, и секта. Но мы думаем, они не совсем перли.

– Наши? Новый Радич?

– Наши, они и есть наши, – ответил Симон. – Молодые люди решили покуражиться. А те, о ком упомянул Камен, – чужие. Дважды чужие. Мы считаем, что они из иного, неизвестного и недоступного нам потока времени.

– Вот это да-а! – только и мог выдать из себя Иван, после заявления Симона, сразу забывая только что волновавшие его вопросы. – Но если это так... Таких потоков, как и перливых миров и струн, может быть несколько?

– Кто знает, – вздохнул Симон.

– Они чем-нибудь отличаются от нас? Вы их видели?

– Видели, конечно, – пробурчал Сарый, будто ученик затронул какую-то запретную тему. – Те же люди, те же манеры...

– Камен как-то от них едва ушёл. Хорошо, что мы были начеку и смогли его отбить.

– Как?

На лице Симона появилась улыбка.

– Извечным способом, – сказал он. – Кулаками.

– И вы? Кулаками?

– И я. Нас тогда было больше. Их трое, нас пятеро. Кроме того, они все подстать мне. Вот и справились.

– И что потом? Куда они делись?

– Сбежали.

– Но куда?

– Нам бы тоже хотелось знать, да не знаем.

– Так надо было хотя бы одного из них пленить, – разочаровался Иван. – Вас ведь было больше...

– Каким образом?

– Дали бы по башке одному...

Симон выпрямился.

– Дали бы, но не получилось. Мы ведь не знаем, держат ли их стены, как ходоков, каков у них кимер и где расположен проход или скрещивание их потока с нашим временным потоком.

– Но тогда как вы догадались, что они... ну-у... это они, чужие?

Учители переглянулись. Иван уже неоднократно замечал их такой красноречивый взгляд, после которого они выдавали ему новые какие-то сведения.

– Пора его поводить по местам, где случились трагедии с перлями, и дать возможность ощутить трапов, – сказал Сарый. – Мы их называем тарсенами. Между собой. Некоторые ходоки и временницы называют их по иному. Например, хуршами или пасталами.

– Как ни назови, – обмолвился Симон. – Но ты прав, показать надо, чтобы он знал, с кем сейчас затеял игру и других хочет позвать за собой. Желает, Ваня, посмотреть?

– Любопытно, конечно. Но, – Иван помедлил, – мне бы надо поспать... Извините, Учители. Я скоро исправлюсь и найду себе местечко где-нибудь в прошлом, чтобы отсыпаться, а сюда появляться бодреньким.

– Давно пора, – сварливо заметил Сарый. – Как возвращаешься, так сразу за еду, а потом спать заваливаешься. Ни поговорить с тобой, ни наставить на ум-разум.

– Выйдем здесь, – предложил Симон.

Точка зоха, как определил Иван, приходилась на самое начало второго века нашей эры в Южном Китае.

В полушаге от себя Иван отметил странное закрытие. Обычно для его видения невозможности покинуть дорогу времени или предупреждение о том, что этого не следует делать, представлялось плотной столбообразной формой. Либо, как это было в будущем Кап-Тартара или те же столбы, но прозрачные. Здесь же поднимались в высь и таяли на фоне размытой желтизны неба клубы ядовитого голубого дыма.

Толкачёв поделился наблюдением с Симоном.

– Слишком близко подошли. Для меня здесь уже трудно дышать, и тошнота подступает. Хорошо, что у меня это проходит без последствий. Некоторые ходоки после встречи с подобным закрытием болеют. Ладно, выходим!

В реальном мире – время дождей. Удушливые запахи раздражали обоняние и горло. Иван закашлялся.

– Здесь, я смотрю, тоже не курорт.

– Гиблое место. Отсюда такая болезнь, как грипп, распространяется по всей земле. Но люди живут! И вот тут... Да, Ваня, как раз на этой зарастающей полянке совсем недавно жили люди. Затем сюда пришёл перль или тарсен. Зачем именно сюда, мы не знаем. Но его застала в этом поселении кончина его родного мира, а с ним и его, и тех, кто по несчастью оказался рядом.

Иван внимательно осмотрел пятачок исчезнувшего поселения вместе с его жителями.

– Похоже на взрыв мощной бомбы. Только вот, правда, нет воронки от её падения и взрыва, – высказал он своё мнение.

– Не очень-то похоже, – отрицательно покачал головой Симон. – От происходящего мало остаётся свидетелей и свидетельств. А мы ступать на такие участки, а тем более изучать, как это выглядит, не рискуем. Но создаётся такое впечатление, как будто целый пласт земли переворачивается и всё, что находилось на его поверхности, он хоронит под собой. Пойдём, покажу тебе ещё одну отметину...

В точке зоха, к которой его подвёл Симон, Иван увидел закрытие в виде струи марева не выше десятка метров, хотя делать какие-либо предположения о размерах в поле ходьбы было безнадежно.

В реальном мире перль исчез в пятом веке до нашей эры на берегу будущей Москвы-реки прямо напротив Боровицкого холма. Событие произошло лет за десять до появления ходоков, но до сих пор площадка с половину футбольного поля резко выделялась от окружающего её ландшафта. Она походила на взрытый громадной лопатой участок. На нём практически ничего

не росло, лишь кое-где торчали из земли остатки одного из домов бывшего поселения людей. Выстроено оно было из ошкуренных стволов деревьев и могло бы простоять ещё не один десяток лет. Однако теперь на этом месте зияла рана от катаклизма влияния параллельных миров.

Они долго простояли молча на окраине поля. Тут когда-то, наверное, были ворота или окончание улочки, поскольку вниз, к реке, шла утоптанная дорога, уже заросшая травой, а над ней выбивались ветки кустарника и молодых деревьев.

– Ещё посмотрим? – нарушил молчание Симон.

– Не знаю, хочу ли я подобное видеть ещё? – задумчиво произнёс Иван.

Ему почему-то было неинтересно, вернее, он просто не хотел видеть всего этого, так как ощущал внутренний дискомфорт, словно ему показали нечто далёкое от его помыслов и забот. Да, конечно, печально, что так произошло, – погибли люди, а с ними их труд, надежды и будущее потомство, без которого человечество, может быть, потеряло часть своего величия, таланта и естества.

Но на фоне того страшного беспредела, что люди вытворяли с себе подобными на протяжении тысячелетий, то следы пребывания перлей – капля в море.

Услышав неуверенный ответ Ивана, Симон кивнул.

– Это я тебе показал места, где перли, возможно, искали убежища. Может быть, они думали, что если заберутся подальше в глушь, то беда минует их. Навредить, кому бы то ни было, они не собирались. Другое дело те, кто как бы мстил жителям в этом стабильном мире. Они выбирали многолюдство и в прошлом, когда стены не приглушали эффект исчезновения перливого мира.

– Стены смягчают? Но тогда...

– Ваня! Никаких тогда. Ты что, знаешь, где сейчас притаился или открыто проживает тот перль, мир которого вот-вот исчезнет? Из того же мира, куда ты собираешься пойти? Нет! При том не все ходоки-перли знают об этом. А если и знают? Не могут же они сидеть взаперти, что равносильно такому же выбытию из жизни, как и в первом случае... Недалеко отсюда во времени и в пространстве есть такое место. Юг Урала. Там когда-то было большое поселение. Но появился перль. Возможно, не один. Большая часть людей погибла, а оставшиеся в живых в страхе разбежались кто куда. Там...

– Не пойду я туда, – твёрдо сказал Иван, чувствуя кисловатый привкус во рту и отвращение к услышанному. – Тем более, других каких-то радикальных мер остановить такого перля невозможно.

– Ты прав. Как его остановишь? Появляется человек. Ничем как будто неотличимый от окружающих его людей. Разумеется, со странностями. Но кто без них? Тем более что пришлый со стороны всегда кажется странноватым в поведении. Проходит год-два, человек обживаетеся и становится как все. Но от перливого мира не убежишь, не закроешься...

– А как же вы? – непроизвольно вырвалось у Ивана.

Он вдруг понял и проникся ко всему тому, о чём Симон начал говорить ему ещё при первом посещения института времени в будущем. Рассказывая о перлях, Учителя, по сути, говорят о себе. Вот почему их занимает этот вопрос, вот почему они так часто возвращаются к нему. Ибо живут под страхом оказаться у черты, перейти которую им никогда не удастся. За ней – небытие. Такой постоянный страх исподволь меняет психику, искажает представления и мешает принимать правильные решения.

И как им неудобно жить!

Но ведь Симон бывает в будущем, посещая лабораторию Маркоса. Его ли это будущее?..

– И мы, Ваня, – просто сказал Симон. – Только мы знаем, когда надо будет уйти... Но, я уже говорил, это случится не очень скоро. До того ещё надо дожить... – Он усмехнулся своей неподражаемой мимолётной улыбкой. – Тем и живём...

Они молча возвращались полем ходьбы. Иван чувствовал подрагивание руки Симона в своей руке.

На душе у КЕРГИШЕТА был гадкий осадок, хотелось забиться куда-нибудь, откашляться и выплюнуть эту мерзость.

«И всё-таки, – думал он, – перли тут ни при чём. У ходоков есть расхожее мнение, они его и придерживаются, хотя иногда сами же и говорят об иных источниках происходящих явлений.

Всё надо будет проверить самому...»

Команда

Учители не посоветовали Толкачёву брать кого-либо с собой, но охотники неожиданно нашлись сами.

Первым, вернее вторым после Джордана, был Арно.

Начал он свою речь без обиняков, едва выйдя из поля ходьбы в комнату, где Иван отдыхал после прогулки с Симоном.

– Возьмёшь, не пожалеешь! Да будет тебе известно, уважаемый КЕРГИШЕТ, я повоевал вволю. И мечом помахал, и с автоматом побегал.

– Побегал, значит. Откуда и куда? – неприятно осведомился Сарый, недовольный появлением этого молодца, которого явно недолюбливал.

Иван давно уже заметил эту нелюбовь. Вначале казалось, что из-за связи Арно с Радичем. Но теперь, после недавней беседы с Учителями и посещения мест, связанных с уничтожением перлей и их окружающих, он стал догадываться, как ему казалось, почему Сарый так относился к этому ходоку.

Перль, как бы далека не была кончина его мира, к иным перлям из других параллельных миров всё-таки подсознательно относился с подозрением. Что бы там не говорили Учители, но развитие параллельных ветвей цивилизации шло по-разному, а люди – продукт своего мира. Иван не собирался глубоко копаться и соизмерять это на себя, но Сарый относился так к Арно по одной причине – тот был уроженцем этого, стабильного мира, к которому относился и Иван.

На вопрос Сарыя, будто не замечая издёвки, Арно отозвался быстро и весело.

– Как куда? В атаку, конечно! А там, думаю, и тем и другим поработать можно будет.

– Эк, как тебя заносит, – буркнул Сарый. Передразнил: – В атаку, видишь ли ты, чтобы тем и другим поработать... Тьфу!

Иван никак не мог вставить в их перепалку своих слов. Наконец, удалось.

– Ты куда это собрался?

– С тобой, в Кап-Тартар и дальше.

– Э, ты-то откуда знаешь, куда я собираюсь идти и кого-то звать с собой берусь? – неприятно поразился Иван.

– Все знают, – заверил Арно и весело, словно о забавной проделке, пообещал: – Скоро сюда многие прибегут тоже. Вот я и поторопился обогнать их всех.

Иван подозрительно посмотрел на Сарыя.

– Учитель! Как они узнали?

– Хе! – потупился вопрошаемый, засовывая руки между коленями.

– Да вы что?.. Вы... – Иван от возмущения не находил слов. – Ну, точно как базарные бабы! Честное слово! Только те несут новости сиюминутные, а вы их по векам разносите!.. Всё! Всё! Меня нет и где я, неизвестно. Арно, пойдём, поговорим где-нибудь в другом месте. Здесь, сам говоришь, скоро...

Могучая фигура дона Севильяка явилась реальному миру во всей своей непередаваемой красе: экстравагантные одежды, усыпанные блестящими звёздочками, на голове лихо заломленный колпак, какие носят сказочные маги и волшебники или шуты гороховые, и тяжёлые

башмаки пятьдесят пятого размера на высоком каблуке и с громадными бляхами, сверкающими, словно только что были начищены.

– Ваня! – громоподобный крик, от которого все вздрогнули, а Сарый пригнулся, вырвался, казалось, ещё из пустоты, когда сам дон Севильяк даже не появился в реальном мире. – Как ты мог забыть меня?!. Меня? Твоего друга и где-то даже Учителя?.. Я с тобой, КЕРГИШЕТ!.. Как ты, Ваня мог меня забыть, а?

Последнюю фразу он произнёс нормальным просительным тоном и выпучил глаза.

Иван непроизвольно простонал. Сарый тоже постанывал, но от душившего его смеха.

– Учитель! Это ты устроил этот базар?

– Ты как раз вовремя, – сказал Арно дону Севильяку. – КЕРГИШЕТ, уходим?

– Да, да...

Однако в комнату, словно что-то впорхнуло, и среди ходоков объявился разгорячённый Кристофер, с красным лицом от проделанных усилий на дороге времени.

– Ус-пе-ел! Успел, успел! – выдал он сольный номер хорошо поставленным голосом, недаром пел где-то или когда-то, якобы, в опере. – Я-таки успел! КЕРГИШЕТ...

– За мной, – сквозь зубы проговорил Иван, схватил руки Арно и дон Севильяка и почти силой увёл их в поле ходьбы.

Кристофер переполнил его чашу терпения.

«Если и этот примчался, то тогда что можно было ожидать от остальных?» – думал Иван.

Но, вообще-то, он их понимал. Они же все подобны Джордану. Почуяли возможность сменить вековую скуку на хоть какое-то мероприятие или приключение.

К тому же сам КЕРГИШЕТ зовёт! Как не отозваться?

Да, Учитель хорошо поработал!

А то ещё и временницы объявятся. Их ему для полного счастья не хватало!..

Отдышался и пришёл в себя за тысячи две в прошлом от своего времени, на пустынном пляже будущей Аргентины.

Местная зима сравнима с летом Ленинграда. Слева океан валко накатывал волны, они далеко забегали по песку и нехотя с шипением покидали сушу. Противоположная сторона пляжа поражала кипенью растительности, стеной вставшей между морем и материком.

Иван сел на тёплый песок, подвернув под себя ноги. Арно опустился рядом, а дон Севильяк ещё покрутился, оглядываясь.

– Хорошее местечко, – оценил он увиденное. – Я всегда знал, Ваня, что ты способен выбрать именно нечто такое. Здесь у тебя шалаш, вигвам или что-нибудь основательное?

С искренним удивлением выслушав «друга и даже где-то Учителя», Иван тоже внимательно окинул взором округу. Здесь и вправду было красиво и романтично.

«Сюда бы Ил-Лайду... – скоротечно подумал он. – Или Напель... Нет... Может быть, Зизму или...»

– Здесь, я думаю, не безопасно устраиваться, – заметил Арно. – Сейчас никого, а через час могут набежать с копьями и луками какие-нибудь аборигены. Или у тебя тут и точно что-то построено основательное?

– Ничего у меня здесь нет! Вышел сюда совершенно случайно... Не о том говорим, – капризно оборвал его Иван. – Давайте... объяснимся.

– А что объясняться, – неуклюже присел на колени, жалея свой великолепный костюм, дон Севильяк. – Я, Ваня, с тобой.

– Что ты со мной? – с сердцем выпалил Иван, наклоняясь телом к дону Севильяку и глядя ему в глаза.

– Ну, как же? – смутился тот. – Все с тобой... И я тоже.

– Слышали звон... Я хочу войти... Я уже там побывал, – поправился Иван, досадуя на себя за непоследовательность высказывания. – Там мир перлей, дни которого сочтены. Я хочу

посмотреть... Просто посмотреть, как люди уйдут по временному каналу, пробитому в прошлое Пектой, и быть может, узнать что-нибудь о Напель. И ничего больше. Но там я столкнулся...

Иван в красках и с некоторой долей горечи от пережитого и увиденного поведал о встрече со стражниками и о своём согласии вступить в отряд Эдварда, чтобы быть как можно ближе к грядущим событиям.

– Я ему пообещал, что вернусь с друзьями. Вот, пожалуй, и всё, – закончил Иван рассказывать о своём пребывании в перливом Лондоне. – Симон и Сарый отговорили меня брать кого-нибудь из ходоков с собой. Но Учитель, похоже, не без умысла раззвонил о моём былом желании... Хотя я рад, конечно, вашему приходу. Но Кристофер!.. И вдруг захотят пойти временницы?

– Не дай и не приведи! – поводил перед собой растопыренными пальцами дон Севильяк. – Они такие, они могут.

– Это точно, – подтвердил Арно и засмеялся.

– Не вижу ничего смешного, – обиделся Иван.

Он ожидал от них какой-то поддержки или совета, раз уж хотят пойти с ним, а тут – смешки.

– Да ты, КЕРГИШЕТ, посуди сам, – улыбка не сходила с лица Арно. – Жили мы, поживали и, как говорится, горя не знали. Но вот вдруг появился ты. И началось! Жить стало веселее...

Иван недовольно буркнул себе под нос:

– Вам веселье...

– Точно так, КЕРГИШЕТ. Представляешь, даже временницы, эти недотроги, меньше стали от нас нос воротить. Тут одна из них... Ладно, потом. И по векам прошёл словно звон, как ты говоришь, пробудивший спящих. Интересно, как Симон объясняет этот эффект? О тебе в прошлом слышали, но не встречали. Некоторые даже не верили вообще в КЕРГИШЕТА. Легенда, мол, и досужие фантазии. А теперь только и разговоров о тебе.

– Интересно... – проговорил Иван осуждающе. – Что интересно? Кому-то, может быть, и интересно, а кому всё это надо терпеть, везде успеть, со всеми раскланяться... И тебе интересно? Мне – нет.

– Вы о чём? – будто очнулся дон Севильяк.

Арно засмеялся.

– Мы вот о чём...

Толкачёв, как недавно рассказывал Учителям, ввёл новых слушателей в суть дела, но уже в ярких подробностях, так как они претендовали составить ему кампанию для ухода в перливый Лондон накануне его кончины.

– Мне это нравится, – заявил Арно, как только Иван закончил своё повествование. – Есть интрига.

– Я тоже, – невпопад прогудел дон Севильяк.

– Ты тоже? Что? – вскочил на ноги и подступил к нему Арно.

Дон Севильяк наклонил голову, и, упорно не глядя на приставшего к нему с вопросами ходока, тоже поднялся.

Со стороны они выглядели комично.

Тонкая камышинка – это Арно, и крепенькое деревце чуть большей высоты, но с утолщённым стволом – дон Севильяк. И камышинка теснила деревце. В противостоянии они были равны правами и суждениями. Тем более что перед доном Севильяком Арно мог высказаться свободно. Вот перед Сарыем он такого, наверное, допустить не мог, а тот во всю пользовался создавшейся ситуацией, и к Арно относился как к далёко неравной ему личности.

Иван смотрел на них и думал, что как всё-таки он мало знает о ходоках, их взаимоотношениях, корпоративных связях, содружестве и разобщающих причинах и факторах.

– Я тоже хочу пойти с Ваней. И пойду, тебя не спрошу! – перешёл в атаку дон Севильяк. – А что ты думал? Отступлюсь? А Ваня будет один? А вот какой от тебя там будет толк, надо ещё подумать? Одна болтовня.

Арно не ожидал такого отпора и отступил, а дон Севильяк победоносно посмотрел на присмирившего собеседника.

– Если вы так будете относиться друг к другу, то лучше я пойду один. Вернее, с Джорданом.

– С кем?!

Оба ходока забыли о размолвке и со схожим недоумением на лицах недоверчиво посмотрели на КЕРГИШЕТА, словно он сказал какую-то глупость.

– С Джорданом, – с нажимом на имени местного ходока Кап-Тартара повторил Иван. – Я ещё до конца так и не разобрался с полем ходьбы под Фиманом. Да и нет там ничего такого, к чему мы с вами привыкли, а есть нечто, сплошь во временных складках и заплатках. Зато Джордан разобрался в них и неплохо ориентируется. По цвету времени... У него сами спросите, когда он вас поведёт, а меня объяснять не заставляйте. Так что только он сможет вывести меня и вас, если пойдёте, к границе моего будущего.

– Да, уж этот Джордан, – сказал Арно. – Я как представляю, что он нам наговорит, пока будет при нас, то уже сейчас начинаю раздражаться.

– А ты его где-нибудь случайно покрепче прижми к стене, он и перестанет тебя... – решил поучить дон Севильяк.

– Никаких стенок! – строго предупредил Иван. – И всем нам следует вооружиться. Мне тоже. Но сейчас возвращаться домой не стоит, – Иван даже вздохнул от огорчения и уныло добавил: – Там сейчас не дом, а проходной двор, наверное.

– А как же, конечно, набежали... Симон же тебе говорил, чтобы ты нашёл себе укромное местечко во времени и пространстве, – напомнил дон Севильяк. – С твоим-то кимером! Можно так потеряться для всех, что никто там тебя не найдёт, не потревожит, не станет надоедать своими заботами. А сейчас пеняй на себя, Ваня.

Иван энергично кивнул в знак согласия и неожиданно для себя заявил:

– Я уже к тому созреваю. Заведу себе в нашем настоящем времени дачу где-нибудь на Карельском Перешейке. Кур разведу, огурцы буду выращивать. И к чёрту прошлое и будущее в придачу!

– Это ты точно созрел, – захохотал дон Севильяк. – Кур разведу! Ха-ха!... Это же надо придумать. КЕРГИШЕТ при курах, а?

Арно предложил:

– Давай, КЕРГИШЕТ, я вернусь к тебе и всех там разгоню.

Притихший было, дон Севильяк опять рассмеялся.

– Я тоже, – наконец сказал он.

– Да ну вас, – отмахнулся от них Иван, довольный тем, что всё в принципе уладилось, поскольку был рад взять с собой этих ходоков.

Он так и видел удивлённое лицо Эдварда, когда перед ним появятся эти два красавца – на голову выше всех стражников. Да и сам он среди них не потеряется. Троица подбирается удачная.

Чуть позже Арно, вернувшийся к Ивану, который в одиночестве поджидал своих будущих спутников на берегу океана, в лицах описал своё появление с доном Севильяком в переполненной квартире Толкачёва.

– Мы подозревали, что там не протолкнуться, поэтому вышли на лестничную площадку. Нет, КЕРГИШЕТ, нас никто не видел... Дверь открыл Камен, думал, наверное, встретить Симона. А тут мы... Он как всегда... В комнате, так сказать, толпа жаждущих пойти с тобой к перлям. Иных я, бог знает, когда и видел.

– Например?

– Хиркуса... Вижу, ты с ним не встречался вообще. Любопытный тип. По натуре молчун и людей чурается. Хотя...

– Молчун, – это хорошо, – задумчиво сказал Иван. – Другие ходоки этим не страдают.

– Я сказал по натуре. Но есть у него...

– Кто ещё был? – рассеянно спросил Иван.

– Ил-Лайда была, – сказал Арно и нахмурился. – Знаешь такую?

Иван вспомнил, что Арно когда-то ухаживал за девушкой, но его вызывающий на откровенность вопрос пропустил мимо ушей. Его зацепило за живое иное. Ил-Лайда пришла в его время с помощью кого-то. Он совсем недавно решил, было, что подобное под силу только ему одному, а оказывается есть и другие, способные пробивать ходоков в своё настоящее. Он воскликнул:

– Кто же её ко мне пробил?

– Манелла. Думаю, не без помощи Симона.

– Симон там был?

Арно отрицательно повёл головой.

– Манелла и сама может многое, что другим ходокам и мне, естественно, недоступно. Границ между струнами времени, как и ты, не замечает, идёт напропалую. И кимер у неё богатый...

– Но зачем это Ил-Лайде? – стал размышлять вслух Иван. – Тоже приключений захотелось?

– Наверяд ли. Её иное гонит.

– Я тоже так считаю, – сказал Иван и, чтобы замять разговор о ней, видя заинтересованность Арно, спросил: – А чем ещё известен, – он наморщил лоб, вспоминая имя. – Да, этот Хиркус?

Иван и сам бы не мог объяснить своего возвращения к этому имени, однако что-то осталось в памяти. Может быть, то, что дичится людей? Совершенно новое явление для ходоков. Некий выброс из их среды, насколько теперь Иван знал о них. Неприятие временниц – не в счёт.

На вопрос Арно пожал плечами.

– Как актёр великий...

– Молчун же, – не понял Иван.

– Оно так. Молчун. Я с ним, правда, встречался всего несколько раз. И всегда невпопад. Глядит исподлобья. Лицом страшноват. Особенно нос у него. Как большой огурец с пупырышками. И...

– Тебя трудно понять. Молчун, актёр... Он хотел с нами пойти?

Арно подозрительно посмотрел на Толкачёва.

– Хотел. А что?

– Познакомь! – сказал Иван, а сам про себя подумал совсем иное, словно это сделал не он, а кто-то другой: – «Зачем он мне нужен?»

– Ну-у, КЕРГИШЕТ. Где же его теперь искать?.. Нет, постой! Я же знаю! Точно. Он, надеюсь, опять вернулся в свою берлогу.

– Как ты его... Почему в берлогу?

– В пещеру. Он в ней проживает иногда. Так что?.. Сюда привести или к нему сам сходишь?

- Сходим, – поднялся Иван, разминая ноги. – Засиделся. Далеко до той пещеры идти?
- Отсюда лет триста к настоящему.
- К дому ближе. Пошли.

Триста лет – несколько шагов в поле ходьбы.

Ходоки вышли в гористой стране Южной Азии.

День – пасмурный, воздух – разряжённый, свежий. После недавнего пребывания под солнцем на берегу океана новые условия Ивану показались скучными и неприветливыми.

Нагромождение каменных глыб, будто вслепую высыпанных неведомым великаном из гигантской горсти, ограничивало обзор; только небо над головой, далёкие снежные вершины, а вокруг – первозданный излом каменной окантовки.

Почти рядом с точкой зоха в реальном мире под толстым тяжёлым козырьком нависшей горной пластины горел костёр. В неглубокой нише, мало похожей на пещеру, там и тут были развешаны и разбросаны какие-то одежды и вещи.

На взгляд Ивана, – ни дать, ни взять всё это походило на скудную декорацию сцены театра под открытым небом. И он, ещё не зная, что так всё и есть на самом деле, умилился своему сравнению антуража ниши со сценой.

У костра на естественном приступке сидел человек лет сорока с длинным лошадиным лицом и руками ел из большой, похожей на тазик, тарелки. Одет в стёганую куртку с меховой оторочкой – обычный ширпотреб. На ногах высокие, до бёдер, сапоги. Лицо обитателя этого странного жилья было чисто выбрито, сам он стрижен под «канадку».

И нос...

Вполне нормальный нос, великоват, правда, но не такой, каким его описал Арно – «огурец с пупырышками».

На внезапно появившихся перед ним ходоков глянул глубоко посаженными глазами не то, чтобы равнодушно, а как-то вяло и устало, будто уже всласть насмотрелся и на них, и на других, и теперь больше не надо бы. А тут опять кто-то появился, и опять надо смотреть. Однако, узнав Арно, есть перестал, вытер руки замызганным, давно не стиранным, а может быть, вообще, никогда не бывшим в стирке, махровым полотенцем и наклоном головы поприветствовал визитёров.

Глядя на него, Иван непроизвольно улыбнулся – нос у Хиркуса всё-таки и вправду выдавался огурцом средней величины с мелкими наростами кирпичного цвета.

– Что тебя ко мне принесло? – Хиркус поднялся, явив для обозрения крепко сбитую фигуру атлета. – Если развлечение, то его сегодня не будет.

– Никаких развлечений. Перед тобой КЕРГИШЕТ! – Арно театральным движением руки указал на Толкачёва.

– Ах! Вот он каков! – с ликованием в голосе воскликнул Хиркус и прижал руки к груди. – Я знал, что вы меня найдёте. Иначе, быть или не быть...

– О, да! Он сам к тебе сюда явился, – подстать пафосу хозяина ниши, Арно вставил фразу и опять повёл рукой в сторону Ивана.

– Я так и знал! – Хиркус поднялся на приступок, поднял квадратный, словно кусок кирпича, подбородок, глаза устремил к небу, чтобы продолжать в том же духе.

– Идите к чёрту! – наконец высказался Иван.

Они, и Хиркус, и Арно, посмотрели на него с обидой.

– Мы так хорошо начали, – с досадой сказал Арно. – Это же Хиркус! Великий трагик всех времён и народов.

– Да? – растерянно спросил Иван и задумался.

Может быть, так оно и есть. Что он знает о людях, с которыми встречается в близком и далёком прошлом? Здравствуй и прощай, то есть ничего. Но в громадной толще времени

родились, жили и в безвестности умерли несостоявшиеся энштейны, докучаевы, вагнеры, толстые...

Читал у Марка Твена, как на том свете герой повести увидел колонну величайших полководцев. Её возглавлял сапожник, а Наполеон теснился в начале четвёртого десятка. На удивлённый вопрос вновь прибывшему в мир иной объяснили, что если бы этот сапожник стал бы не сапоги тачать, а возглавил рать, то мир содрогнулся бы от его полководческого таланта.

Сослагательность того, что могло быть, дело, конечно, бесперспективное, но не обращать на это внимания тоже нельзя.

– Это точно, – подтвердил Арно.

– Верю. Но давай сначала я с ним поговорю безо всех этих... штук. Нормально. Хиркус, слезай оттуда.

– Мне и здесь хорошо, – вызывающе отозвался Хиркус и скрестил руки на груди и принял позу памятника.

– Понятно. Ты за чем ко мне домой приходил? Так вот, я ещё здесь чуток постою и уйду, а ты можешь остаться, если тебе там хорошо, и изображать из себя хоть трагика, хоть комика, хоть идола. А то... и чёрта лысого!

– Э-э... Так дело не пойдёт, КЕРГИШЕТ. Это ты пришёл ко мне и как гость обязан...

– Я ничего не обязан!.. Я уйду!?

Арно оторопело открывал и закрывал рот, но вмешиваться в диалог не рискнул. Он понимал и того и другого. Вольница Хиркуса наткнулась на волю КЕРГИШЕТА, и именно он владел инициативой, а трагику следовало либо сразу принять эту волю, либо отказаться, сохраняя свою независимость, которой он так гордился и выказывал каждому, кто имел счастье или несчастье с ним общаться.

Откажется – и КЕРГИШЕТ уйдёт.

Всёдозволенность косы против травы наткнулась на камень.

– Но!.. – воскликнул Хиркус, заламывая руки, и тут же обмяк лицом и телом. – Не уходи. А это всё, – он обвёл рукой импровизированную сцену, – блажь. Надоело, как запах пота. – Он легко спрыгнул вниз. – Я к тебе приходил по зову...

– Какому ещё зову? – нахмурился Иван, подозревая, что сработал испорченный телефон; Сарый что-то намекнул одному-двум, те передали другим; от ходока к ходоку или через временниц и обратно слух о желании КЕРГИШЕТОМ взять с собой спутников постепенно превратился в нечто иное – как зов.

Наверное, так оно и было, ибо Хиркус, снова впадая в пафос, торжественно произнёс:

– Все, кто может, у кого есть способности постоять за себя и друзей, с кем будет не скучно в опасном приключении...

– Хватит! – повысил голос Толкачёв. – Чепуха всё это. – И повернулся к Арно. – А ты говорил – молчун. Он же любого заговорит.

– Ну-у... – с плутоватой улыбкой протянул Арно. – Я же говорил в том смысле, что сказанное им всё таково, как если бы он промолчал. Он же ведь почти ни одного путного слова не сказал, хотя ты с ним уже наговорился.

– Мне кажется, ты не правильно расставил акценты, – Иван тоже улыбнулся. – При его словоохотливости молчунами становятся его слушатели. Хиркус, а кроме хорошего трёпа, что ты ещё умеешь делать?

– Хороший треп, да будет тебе, КЕРГИШЕТ, известно, в любом деле полдела. Другую половину можешь закрыть ты и остальные, что пойдут с тобой.

Ивану высказывание Хиркуса понравилось.

– Хорошо сказано. И всё-таки?

Трагик покривил своё длинное лицо, став ещё страшнее, чем был до того.

– Да как все ходоки. Всего помаленьку. Побегал в своё время в прошлом. Правду искал и защищал. Где кулаком, где мечом, а где и убеждением.

– Нашёл и защитил?

Хиркус развёл руками.

Все трое вздохнули.

Где она, эта правда, которую надо защищать? И от кого? Если у тех есть своя правда, то они её тоже будут защищать. Такая защита с одной и другой стороны обычно дорого стоит. Чаще всего защитники друг друга перебьют, а обе правды так и останутся.

Выслушав, наконец, куда, собственно, и на каких условиях КЕРГИШЕТ отбирает спутников, Хиркус сказал с экспрессией, но уже без ужимок и игры:

– Перли! Везде перли! Как только Ленок, мой Учитель, поставил меня на дорогу времени, с той минуты слышу одно и то же – перли, перли! Одни как услышат о них, бегут сломя голову дальше, чем видно и слышно о них. Иные дружат с ними, не находя в том для себя ничего зазорного или опасного от общения с ними...

– Короче!

– А короче...

Хиркус недовольно посмотрел на Ивана. Он, по-видимому, стал всё-таки уже опять входить в новую роль, а его снова прервали. Актёры такого насилия не любят и не прощают.

– Именно. Пойдёшь с нами, то мы тебя как-нибудь и где-нибудь дослушаем. Не пойдёшь...

– Что, значит, не пойдёшь? Пойду! Только... Вот что, КЕРГИШЕТ, давай договоримся о моих условиях. А они...

– Никаких только и никаких твоих условий, – жёстко оборвал его Иван.

Он уже стал подумывать, что зря связывается с этим актёром. Живя анахоретом в добровольном изгнании, Хиркус нажил искажённую психику. В группе, создаваемой Иваном, он может стать помехой. Но раз уж уже предложил, то надо сделать хотя бы так, чтобы отбить у него всякие поползновения к вольнице.

– Вот как?! – неприятно для себя удивился Хиркус.

– Вот так! – в тон ему отозвался Толкачёв. – У каждого своё, но это, когда он сам по себе. А у всех вместе – общее. Решения принимаем сообща, и нравятся они кому-то или нет, но их надо будет выполнять. Это закон!

По лицу Хиркуса можно было читать, что у него твориться на душе. Он сомневался и негодовал, но резкость КЕРГИШЕТА ему импонировала.

– И ты, конечно, командир? – наконец спросил он с нескрываемой поддёвкой.

Арно, молча наблюдавший сцену укрощения артиста «всех времён и народов», хмыкнул.

– Естественно, – без тени наигранности сказал Иван. – И не только командир, но и ответственный за то, чтобы все мы вернулись в наш мир живыми и здоровыми. Поэтому моё слово – тоже закон!

«Кто знает, – хотелось при этом добавить Ивану хотя бы самому себе, – исполнятся ли его слова о благополучном возвращении».

– Ну, хорошо. Я согласен. – Сказано это было Хиркусом так, словно речь шла о безделице, достойной упоминания, разве что за чашкой чая. – Но согласятся ли остальные, что я пойду с вами. Кто они?

– Согласятся! – заверил Иван. – А кто они? Нас немного. Вот один, – указал он на Арно, – ещё дон Севильяк и Джордан из Кап-Тартара...

– Кто?! – вскричал Хиркус, театрально закатывая глаза. – Этот болтун? – Руки его поднялись вверх. – Который ничего не понимает в искусстве? Которому наплевать на движения души и тела...

Арно откровенно захохотал, Иван подавил улыбку. Ну, Джордан! Всех, похоже, достал, всем чем-то насолил, даже этому, гордому в своей исключительности ходоку.

– Может быть, – прервал его Иван и не дал развить тему, – присоединится кто ещё другой. Впрочем, четверо – прочное звено для подобных дел. Вся история тому учит.

– Аминь! – неожиданно произнёс Хиркус.

Иван даже вздрогнул.

Ходоки в своей массе к различным верованиям, если только они не подвязывались на этой стези, как, например, Перкунас или создатель собственной религии Дигон, относились с прохладцей, а то и со скепсисом. Да и как они могли верить во что-то сверхъестественное, если обожествляемый субъект чаще всего никогда не появлялся в этом мире. Или напрочь был лишён всех тех качеств, приписываемых ему через годы.

А сами ходоки, из-за присущей им особенности появления и исчезновения, как раз и служили прообразами морока и всякой чертовщины.

Может быть, поэтому они практически никогда не упоминали религиозных догм и имён богов, за исключением, естественно, фразеологизмов, а также не божились, не накладывали на себя аскезу, не щеголяли словечками, присущих верующим. Во всяком случае, к таким относились известные Ивану ходоки и временницы. Тем более, те, кого он собирался взять с собой.

Правда, у Джордана на языке могло появиться всё, что угодно, вплоть до упоминания о нелюбви богов к тем, кто идёт против их воли. Но к выходкам ходока из Кап-Тартара Иван уже привык, да и не был тот верующим.

Вот почему иметь в команде религиозно настроенного человека он не то, чтобы не хотел, а просто всегда считал: повернувшийся к Богу, всегда забывает о людях! Вся история человечества пестрит примерами. Нет такого преступления, которое не совершалось бы во имя Бога. Напротив, вся пыточная техника, чтобы терзать человеческую плоть, придумана и воплощена на практике в миллионах случаях, именно во имя этой цели.

– Верующий? – спросил Иван.

– Не придирайся к словам, КЕРГИШЕТ. Я – актёр!

– Верующий?

– Имеет значение? И потом, что значит, верующий? Ты ведь тоже во что-то веришь. Таким образом, тоже верующий. Нет людей не верующих! Ты это, КЕРГИШЕТ, брось! Нельзя людей делить по этому признаку. Ты же хочешь, если возьмёшь меня к перлям, чтобы я тебе верил? То-то! А «аминь» употребляется, да будет тебе известно, в тех случаях, когда хотят...

– Знаю, – буркнул Иван, недовольный собой.

Было отчего. Какой этот Хиркус верующий? Обычный ходок во времени. Для него нет Митры и Диониса, Осириса и Иисуса. Зато верит, наверное, во всевозможных призраков, в бесчисленное множество тварей, настоящих и придуманных, что бродят по дороге времени и нападают на ходоков. А кто в них не верит? К тому же, не все, но кто-то иногда встречался с ними, как это случилось с ним самим при поиске Напель в ущелье трёхглазых.

Арно воспользовался паузой, потянулся вправо и сказал:

– Любишь, КЕРГИШЕТ, пофилософствовать. По мне, мир надо принимать таким, каков он есть, а не выдумывать его. И его, – он кивнул на взъерошенного Хиркуса, – не переделывать. Ты ему в одно ухо...

– Ты тоже горазд порассуждать. Только, видишь ли, мы с тобой в разных школах и вузах учились, оттого по-разному воспринимаем и мир, и время, и людей.

– Ты меня с кем-то спутал. Я ни в школе, ни в вузе не учился. Это ты у нас один такой. Вот и мудрствуешь. А почти все встали на дорогу времени, будучи ещё детьми. Так что и школа, и пресловутый вуз у нас затерялись в поле ходьбы.

Начав высказываться будто бы назидательно, Арно к концу говорил уже с печалью в голосе. Иван его понимал. Воспитанник поля ходьбы и ходоков – что может быть ещё несуразнее? Оттого все они – ходоки и временницы – с вывертами, по его глубокому убеждению, в мозгах, в рассуждениях и поведении. Вот из них-то и получились анахореты, заговорщики, страдальцы...

– Ладно. Мы что-то говорим не о том, – Иван, непроизвольно подражая Арно, потянулся. – Хиркус, приходи ко мне завтра. Да... В общем, на другой день после того, когда ты у меня побывал. Я хорошо объяснил?

– Понятно. Слушай, КЕРГИШЕТ, давай возьмём ещё Жулдаса.

– Это того... – вспомнил Иван, – что был у Аранбаля.

– Он.

– Я ему однажды рожу набил... Нужен ли?

Хиркус улыбнулся, улыбка не красила его.

– Слышал я эту историю. Но, что-то Жулдас темнит. Он же хороший боец, знает приёмы борьбы. А ты его...

– Я тоже не лыком шит. И я его прихватил на дороге времени.

– Он после того ушёл от Аранбаля. А стоит ли брать...

– Не тяни, – прервал наступившую паузу Иван.

– А ты с ним поговори.

– Поговори... И ты, конечно, знаешь, где он теперь затаился?

– Обосновался. Так правильнее будет. Но тайны в том нет. Многие знают, где он сейчас.

– Ну да. Совсем недавно никто не знал, а теперь знают многие, – насмешливо констатировал Иван.

Так оно и было.

– Всё правильно, – подтвердил слова актёра Арно, не замечая иронии КЕРГИШЕТА. – После встречи с тобой он некоторое время сидел мышью, а сейчас ждёт удобного случая встретиться с тобой и поговорить.

– Ага! И ты, стало быть, решил выступить его адвокатом?.. Я шучу! Ладно, приводи его. А там видно будет. Хиркус, до завтра!

– Мне надо столько успеть сделать, что твоё завтра для меня растянется на месяц. Так что лучше, до встречи.

– Тебе виднее...

Проявились в полутёмном помещении, вне которого, по-видимому, стояла страшная жара. После свежего горного воздуха, здесь можно было задохнуться от его спёртости и противных запахов.

– Фу! – вдохнул и выдохнул Иван. – И это, как ты сказал, почти конец двадцатого века? И центр города?

– В двадцатом веке как раз такие города и такие их центры повсюду. Не в том суть. Это прямой путь к Жулдасу.

– Оно и видно. Через пыль и вонь к звёздам, так сказать. Будем его здесь ждать?

– Почему же? Вот дверь. Сейчас...

Арно гулко стукнул в филёнчатую дверь дважды, подождал и добавил ещё три стука.

– Конспираторы...

Ивану показался забавным такой путь к местонахождению ходока – через время, пространство, заброшенный чулан или склад и, наконец, условный стук в дверь.

– Зато чужие не ходят, – важно заметил Арно.

За дверью послышался скрип половиц.

– Не знаешь, Жулдас встречался с перлями? – спохватился Иван, вспомнив разговор с Учителями, что не всякий ходок рад встречи с ними.

– Встречался, – успел сказать Арно. – Кто с ними не встречался?..

Дверь легко и бесшумно растворилась. В проёме показалось улыбающееся лицо Жулдаса, приходу гостя он был явно рад. Но, заметив за плечами Арно Толкачёва, отпрянул в глубь небольшой прихожей.

– Не бойся, – спокойно, даже с нотками снисходительности, сказал ему Арно. – Мы к тебе по делу.

Поколебавшись, Жулдас пригласил:

– Входите, если по делу, – и, пятясь спиной, открыл противоположную дверь, старую и скрипучую. – Сюда.

Комната, куда вошли гости, была большой, но уютной. Всё здесь стояло на нужных местах, было подобрано по цвету и размерам. Хозяин имел хороший вкус.

И здесь стояла прохлада.

– Кофе, чай, – голосом официанта спросил Жулдас, когда ходоки сели в удобные кресла вокруг низкого столика.

Иван отказался, качнув головой. Он хотел что-нибудь выпить, но ждать, когда на столе появится тот же чай, ему не хотелось, так как расслаиваться здесь долго не собирался. Арно, глядя на него, тоже отказался, напомним:

– Мы по делу.

– Ну-у... Тогда давайте по делу, – неохотно согласился Жулдас.

По его выражению лица было видно, что он обижен за попрание законов гостеприимства.

Он расположился напротив Ивана и выжидающе посмотрел на него.

После памятной встречи у Аранбаля, он до сих пор не мог для себя понять, – что с ним тогда произошло? Почему он так легко сдался вот этому ходоку? Ведь тот тогда сумел не только поймать его прямо на дороге времени, но и с позором вырвать в реальное мир?

Внезапность с его стороны или подавляющая сила?

За свою длинную, полную приключений жизнь, Жулдас вступал в смертельную схватку десятки раз. Характер у него был такой неуживчивый. Противники были разными, порой серьёзные, подстасть ему самому по опыту и сноровке. Но он не проигрывал никому.

А тут, как наваждение какое-то случилось. В поле ходьбы, где Жулдас всегда себя чувствовал в безопасности от встречи с желающими ему отомстить или ещё раз померяться силами, внезапно и стремительно появляется некто и... Получил непредвиденный удар по скуле, а потом будто собачка на верёвочке... А ведь нападали они с Олисовой первыми.

Вместо Ивана разговор начал Арно.

– Слышал, КЕРГИШЕТ собирает...

– Слышал, – перебил его Жулдас. – И даже побывал у него. Едва втиснулся от желающих пойти с ним.

– Ты был у него? – Арно посмотрел на Ивана. – А КЕРГИШЕТ там был?

– Был, конечно. А что?.. Наши там у него такую давку устроили. Так что он от них... и от меня, естественно, сбежал. Да, так вот... А вы что, – Жулдас лёгкой усмешкой глянул на гостей, – тоже хотите к нему навязаться? Как все? Я говорю, он сбежал, и носа к себе домой не показывает.

– И правильно делает. А ты думаешь, ему надо было всех брать с собой, кто к нему пришёл?

Жулдас нахмурился.

– Нет, естественно. Там даже Кристофер объявлялся. Кухахтал...

– Вот потому-то он и сбежал. Но... – Арно помедлил и, показав на Ивана, торжественно изрёк: – КЕРГИШЕТ решил с тобой сам поговорить.

– О-о! Ты?! КЕРГИШЕТ? – Жулдас вскочил на ноги, улыбка сбежала с его лица. – Как же я сам не догадался? Ещё тогда... Ведь всё говорило, что это КЕРГИШЕТ. А я... Вот уж, поистине, правильно сказано: солнце не увидишь, так как оно светит прямо в глаза. Здравствуй, КЕРГИШЕТ! Будь хозяином в моём доме!

Арно залился смехом. Он был счастлив произведённым эффектом. Засмеялся и Иван.

– Здравствуй, Жулдас! – сказал он и протянул руку для пожатия. – Давай забудем, что было между нами.

– Я уже забыл, – охотно заверил Жулдас, хотя минутой раньше не прочь был расквитаться с этим ходоком, не будь здесь Арно.

Договорились быстро.

Беседуя и наблюдая, Иван постепенно пришёл к выводу – Жулдас ему нравится. Немного словен, сдержан. Вспышка эмоций, когда он узнал в нём КЕРГИШЕТА, быстро прошла, и уступила место уравновешенному рассудку.

Становясь на дорогу времени, он сказал Арно:

– Жулдасом и ограничимся. Нас, пожалуй, уже достаточно много. Шестеро.

– Говорят, семёрка – счастливое число.

– Ну, тебя! Не накаркай! Я вообще-то собирался взять с собой двоих-троих... А потом... Седьмой может выскочить как чёрт из бутылки. Ладно, я пойду к себе домой. Надеюсь, что там будет лишь один Сарый и никого иного.

– Надейся, но я не уверен, что тебя так сразу оставили в покое.

– Буду надеяться, вопреки твоим прогнозам. До встречи!

Седьмой

Седьмой в команде появился. Неожиданный и неожиданный.

Вернее, седьмая, неожиданная и неожиданная...

Иван вышел в реальный мир в прихожей своей квартиры. Сделал он это намеренно: из опасения наткнуться на толпу жаждущих пойти с ним к перлям. И чтобы иметь возможность сразу же скрыться от них, вернувшись в поле ходьбы.

Вышел, постоял, прислушался.

Тихо...

Только на кухне слышались характерные звуки – Сарый пил чай.

Так оно и было. Заметив Ивана, Учитель поспешно поставил на стол уже поднесённую ко рту чашку. Глаза его виновато забегали.

Иван уже достаточно хорошо изучил его мимику, чтобы отметить: Сарый опять что-то сотворил или намудрил, а теперь не знает, как выкрутиться перед лицом ученика.

На вопросительный взгляд Ивана, Сарый вместо каких-либо объяснений приложил палец к губам, а другой рукой поманил Ивана к себе поближе.

Такого Учителя Иван видел впервые.

Он, опять молча, только движением головы задал вопрос: – «Что случилось?» В ответ Сарый указал на стенку, за которой находилась комната, а потом провёл ребром ладони по горлу.

Жесты, как в разведывательном рейде...

«Кто-то сильно достал Учителя», – понял Иван.

Уже не таясь, направился в комнату. Завидев его с дивана, демонстрируя гибкую фигуру, вскочил молодой человек. В мочке его уха сквозь длинные вьющиеся волосы сверкнул крупный бриллиант. Незнакомец изучающе оглядел Ивана, который занимался тем же самым. Молодой человек был тонок и строен, но не высок, чуть, быть может, выше Джордана.

Два вопроса слились в один:

– КЕРГИШЕТ?

– Ты кто?

В ответ Иван кивнул головой.

Она:

– Я временница. Шилема. Я...

– Временница! – воскликнул Иван, лишь сейчас понимая, что перед ним не молодой человек, а женщина.

– Да, временница, – потупилась она. – Шилема.

Считая её мужчиной, Иван не обратил внимания на лицо, но для женщины оно было некрасивым. Тяжеловатый подбородок, слегка впалые щёки всё-таки больше подходили к противоположному полу.

– Слушаю тебя, Шилема, – сказал Иван, стараясь придать голосу как можно больше холодности и отчуждённости, так как стал догадываться, зачем она сюда пожаловала.

То их, временниц, было не видно и не слышно, а тут вот сама пришла. Явно тоже узнала, что он собирает команду. И не ошибся в своём предположении.

Зато ошибался, как эта просьба будет выглядеть. Начнёт, поди, как все временницы, – думал он, – наступать на меня с требованием и обвинением, если я ей откажу.

– КЕРГИШЕТ, возьми меня, пожалуйста, с собой, – запинаясь на каждом слове, робко произнесла она.

Говорила она по-русски, но с южным акцентом.

Глаза её умоляли. Однако её показная робость не убедили Ивана.

– Учитель! – в сердцах крикнул он, заставив Шилему вздрогнуть и затаить дыхание.

– А что я? – заглянул в дверь Сарый.

Он явно уже стоял под ней и слушал, о чём говорится между Шилемой и Иваном. Сказал, но в комнату не вошёл, считая, наверное, своё присутствие в ней лишним, да и побаиваясь прямых упрёков Ивана.

– Мы же договорились!

– А что я? Это же Шилема! Дьявол, если можно так сказать, в юбке. Это она ходит в штанах. Ты, Ваня, даже не знаешь...

– И знать не хочу!

Иван стал злиться.

Вот пришла временница. Не напросись она сейчас идти с ним к перлям, он мог бы о чём-нибудь поговорить с нею. Разузнать, кто она и чем занимается во времени и, вообще, в жизни? Почему бы нет?

Мнение ходоков о временницах были противоречивыми, но большей частью с предубеждениями. Достаточно послушать суждение о них у Учителей. Поэтому беседа в непринуждённой обстановке, когда между ними были бы отношения лишь дружеские, а не такие, как с Ил-Лайдой, могла дать Ивану многое. Возможно, он мог бы понять, почему между ходоками и временницами возникли такие непростые, а порой антагонистические отношения.

В конце концов, он КЕРГИШЕТ или нет? Ведь ему надо будет объединять всех умеющих ходить во времени для какого-то, неясного ещё, правда, дела, в том числе и женщин.

Он злился, а взгляд Шилемы, неотрывный и просительный, словно прожигал его насквозь. Это было невыносимо.

Однако вскоре её глаза заблестели, между ними появилась упрямая складка. Голос окреп.

– Вот что, КЕРГИШЕТ. Запомни! – проговорила она твёрдо. – Если ты не возьмёшь меня сам, я пойду за тобой сама.

– Иди! Я не указчик, кому куда ходить.

– И пойду! Но если со мной что-то случится, то все будут знать, по чьей вине это произошло.

Иван даже задохнулся от такой наглости.

– Да ты, оказывается, шантажистка! Тогда...

– Нет! – упрямо перебила она его, и тряхнула волосами. От её уха сверкнул зелёный, колкий для глаз лучик. – Я обычная временница. А ты – КЕРГИШЕТ! И ты должен относиться ко мне с почтением, как ко всякому иному из нашего сообщества людей, умеющих ходить во времени! Иначе, ты не тот, за кого себя выдаёшь, присваивая великое имя КЕРГИШЕТА!

Это был удар ниже пояса.

– Вот что, обыкновенная временница, – процедил Иван, давя в себе неприязнь к этой нахалке. – Во-первых. Я никому ничего не должен. Я КЕРГИШЕТ волей случая. Но это не должность, а способность. Во-вторых. О почтительном отношении. Я всегда готов. Наше вам с ручкой, – и он раскланялся перед нею. – Думаю, достаточно. Извините, обыкновенная временница, но мне надо кое-что сделать... Без вас-с.

– А ты, оказывается, шут гороховый, – притворно, и это было заметно, вдруг, как будто удивилась Шилема. – А я то думала, что ты хоть что-то соображаешь. А у тебя этого ни на столько, – она показала кончик ногтя на мизинце.

– Не будь ты временницей... женщиной... – начал с угрозой Иван, задетый обидой на сравнение его с шутлом гороховым, у которого ума с полгорошины.

– Ой-ёй-ёй! – презрительно отозвалась Шилема на его предполагаемые действия, если бы она была не женщиной. – Какой грозный!

Из-за двери послышался сдавленный смех Сарыя. Он подействовал на Толкачёва, готового вспылить не на шутку, отрезвляюще.

«Они же меня разыгрывают», – подумалось ему, хотя и это болезненно задевало его самолюбие. Тем не менее, такая оценка происходящего повлияла на него успокаивающе.

Но от временницы надо было отделяться. Правда, не угрозой, а... Как?

– Всё, Шилема, – как можно твёрже проговорил он, отменяя тем самым всё, что между ними было только что сказано. – Я занят! Поговорили, обменялись... мнениями, и – будет!

– Ну, уж нет! – притопнула она ногой.

– Ну, уж да!

Иван отвернулся от неё и пошёл в ванную бриться и принять душ, справедливо считая, что разговор с временницей о принятии её в набираемую им команду окончен раз и навсегда.

Шилема последовала за ним по пятам.

– Мне надо обмыться, – как можно спокойнее сказал Иван, обернувшись к ней.

– Мойся, – разрешила она. – Я посмотрю.

– Что ты помотришь? – опешил от такого её заявления Иван. – Мне надо раздеться.

– Раздевайся! Я что, голых мужчин не видела? – без тени смущения или хотя бы запинки, сказала она.

Сарый, отступивший на кухню, хлюпнул носом – его там душил смех.

– У тебя что, здесь не в порядке? – Иван показал на голову.

Он опять начинал злиться на эту бестолковую Шилему, у которой возможно, и вправду, было не всё в порядке с мозгами.

– У меня как раз здесь всё в порядке. Вот потому-то я и посмотрю за тобой. Ты сбежишь, а мне потом придётся искать тебя по всему полю ходьбы.

– Ну, ты и...

У Ивана от бешенства перехватило горло. Он сжал кулаки, чтобы не сорваться. Мгновением позже он исчез.

Шилема дёрнулась было за ним на дорогу времени, но Иван использовал все свои способности, чтобы оставить между собой и временницей такой промежуток времени, где нагнать его у обычного ходока не было никакой возможности.

Он вламывался в прошлое и ругался самыми непотребными словами, когда-либо слышанными в жизни. Благо, никто их не слышал, кроме его самого.

Шилема же опять выскочила в реальный мир, расстроенная потерей Ивана в поле ходьбы и с возгласами удивления. Ей всегда казалось, что никто не может так быстро становиться и уходить на дорогу времени, как это делала она. По крайней мере, так было до сего момента.

– Что, с КЕРГИШИТОМ решила посоревноваться? – с нескрываемой насмешкой приветствовал её появление Сарый. – Ты, женщина, забыла, с кем имеешь дело. Он – КЕРГИШЕТ! Запомни это теперь навсегда! А ты... – он сделал пренебрежительный жест рукой. – И ты ему помешала сделать то, что ему надо было сделать. Да ещё пустила в ход свой ядовитый язычок. Я тебя предупреждал, что так оно и будет! Ваня, человек хороший, пока его не доведут такие, как ты. А ты... А! Что с тобой говорить?

– Отстань! – вяло отбилась Шилема. – Лучше скажи, где он может сейчас быть?

– Кто знает. У него в прошлом нет никого и ничего.

– Он что, здесь и живёт? – обвела она взглядом узкий коридорчик, ведущий в крохотную кухню.

– Здесь и живёт, – подтверди Сарый, и с чувством добавил: – А ты – решила его взять нахрапом. Вот и получила!

Иван остановился и повернул назад.

Чего это он так переживает? Ей хочется с ним пойти, он брать её не собирается, вот она и ведёт себя так развязно. То-то Сарый давился от смеха, мол, как она меня обзывала, а я мямлил что-то ей в ответ и злился...

Он проявился в своей комнате и слышал последние слова Сарыя, сказанные Шилеме. Молча предстал перед Шилемой, глаза у которой округлились, словно она увидела перед собой призрак. Так же молча подмигнул ей и вошёл в ванную. Закрыл за собой дверь на щеколду. И чтобы отогнать мрачные мысли и развеяться после разговора с Шилемой и бегства от неё, показав всем свою независимость и непринуждённость, он во весь голос запел:

– Мы шли под грохот барабанов, мы смерти смотрели в лицо...

Чисто выбритый, мытый и умиротворённый, он деловито поинтересовался о еде. За окном было темно, так что Сарый стал выставлять на стол немудрёный не то поздний ужин, не то ранний завтрак.

Шилема стояла тут же на кухне, притиснутая к мойке, с прижатыми к груди руками. Она с удивлением наблюдала за поведением мужчин, для которых эта маленькая кухонька была домом, где они жили и принимали пищу. Это так не вязалось со знакомыми ей ходоками, да и с ней самой. Ей был непонятен этот аскетизм, эта скромная, вернее, нищенская обстановка в жилище, да и само жалкое жилище, эта непритязательная еда.

Её удивлял и одновременно покорял КЕРГИШЕТ. Но она всеми силами пыталась избавиться от такого наваждения...

– Садись, Шилема, поедим, – пригласил Иван временницу.

Сарый сразу же начал бурчать, что-де, набегут всякие, всё съедят, а ему потом, несчастному, опять бегать по магазинам или тащить что-нибудь из прошлого. А ему это надо?

– Учитель, ты не мычи, а больше на стол мечи, – скаламбурил Иван и неожиданно для себя почувствовал лёгкость во всём: мыслях, движениях.

Шилема осторожно присела на уголок табуретки.

– Ешь, Шилема и рассказывай, – хлебосольно поведя рукой, сказал Иван. – Кто ты и что ты? Что умеешь? Чем занимаешься?

Временница приняла протянутый ей бутерброд. Сделала небольшой надкус, долго прожёвывала, проглотила.

– Меня зовут Шилемой. Шилемой Армакан... Я временница. Моей Учительницей была Манелла.

– Ага!.. Ты – перль?

Шилема вздрогнула, с опаской посмотрела прямо в глаза Ивану.

– Н-нет... Да, я перль в этом мире.

– Ага!.. Я так почему-то и думал. Твой кимер?

– Семь тысяч лет с небольшим, лет на двести, – гордо вздёрнула она свой увесистый подбородок.

Иван опять отметил для себя её некрасивость.

Её не красили ни улыбка, ни удивление, ни испуг, ни вдохновение. И даже эта гордость за свои способности ходить так глубоко в прошлое.

«Впрочем, с лица не воду пить», – напомнил себе Иван прекрасную поговорку, так подходящую именно к данному случаю.

– Неплохо, – сказал он, но так, чтобы у неё не возникло опять особого самомнения. Так говорят школьнику, хваля за успешно выученную таблицу умножения. – Сколько тебе лет?

Она опять хотела вскинуть голову, чтобы возмутиться бестактности мужчины, но ответила без эмоций:

– Наверное, лет пятьсот. Я предпочитаю года не считать.

Иван кивнул и машинально потёр пальцами щёку. Он никак не мог привыкнуть к таким возрастным цифрам ходоков.

На вид Шилеме было лет двадцать пять, ну, от силы – тридцать.

– Почему я тебя до сего дня не видел?

Вопрос КЕРГИШЕТА развеселил Сарыя.

– И хорошо, что не видел, – сказал он. – А то давно сбежал бы куда-нибудь подальше. Ей только палец протяни, без руки останешься...

– Ты бы, Задира, помолчал, когда мы серьёзно разговариваем, – строго оборвала его Шилема. Лицо её окаменело, она явно была раздражена репликой Сарыя. – Тебе здесь...

– Он мой Учитель, – поторопился напомнить Иван, чтобы пресечь назревающую пикировку.

Сарый с благодарностью склонил голову, глаза его смеялись.

– Так, где ты была, когда я встречался с другими? – напомнил Иван свой вопрос.

– Дома была. Кое-кому вправляла мозги, чтобы не считали себя выше того, кто они есть на самом деле.

– Вправила?

– Вправила! Лет десять будут помнить.

– Десять лет большой срок, – задумчиво сказал Иван. – За десять лет либо ишак сдохнет, либо правитель помрёт, – напомнил он реплику Ходжи Насреддина.

Шилема поняла её по-своему.

– Не знаю, как ишак, а правитель не помрёт. Ещё молод. И будет помнить, что есть кто-то, знающий все его дела и помыслы. Он придёт и, если дела и помыслы были несправедливыми, покарат!

Иван повёл осуждающе головой от её такого заявления. Высказано оно было с верой в свою непререкаемую правоту кого-то за что-то карать и миловать.

– Во-от оно что. Бога, значит, из себя представляешь. Так-так... Знаешь, как мне на вас, изображающих из себя всеильных и всевидящих богов, стало в последнее время везти. Что ни век, что ни ходок, то ни много, ни мало, – а Бог! Надоедать стало. Запомни, Шилема. Я ни в каких богов не верую, а воплощающихся в них – презираю!

Иван высказался и надолго замолчал, занятый едой. Шилема всё это время сидела палка-палкой, воткнутой в табуретку, – ровно и неподвижно.

– Ты меня осуждаешь? – наконец, спросила она, хотя Иван её деяние в качестве какого-то местного божка и карающей его силы высказался вполне определённо.

– Не осуждаю. Соболезную. Надо же на себя взвалить такой груз, чтобы за всем следить.

Он непонятно почему вспомнил профессора-зануду, эколога, любящего повторять некоторые определения неоднократно. В памяти Ивана осталось несколько его изречений. Он воспользовался одним из них и блеснул им перед Шилемой.

– Такое наблюдение и контроль за чем-либо называется мониторингом... Само по себе дело хлопотное. Разве за всем уследишь? Да плюс ещё воздаяние за содеянное...

Он заметил, что временница смотрит на него, как на человека, несущего с самым серьёзным видом явную абракадабру.

Иван усмехнулся. Ей пятьсот лет, а она не знает, что собой представляет мониторинг. Подумал так и замер. В грудь проник холодок от страшной догадки.

С ним ведь сейчас происходит точно такое же!

Став ходоком, он едва ли дважды брал в руки газету, не говоря уже о книгах. Недосуг. А реальный мир тем временем не стоит на месте. Миллиарды обычных людей, не озабоченных, подобно ему, реалиями прошлого, да и будущего тоже, живут, развиваются, изобретают и открывают что-то новое, впитывают достижения науки и техники. Появляются необычные теории и понятия. И всё это – мимо него...

Его знания, разум, мысли застыли тогда, когда он оторвался ото всего этого. И вскоре кто-нибудь ненароком ему скажет нечто уже обыденное у не ходоков, а он даже не поймёт, о чём, собственно, идёт речь.

– Учитель. Сколько независимого времени прошло после моего первого выхода в поле ходьбы? – неожиданно для себя и собеседников спросил он. – Я что-то стал сбиваться...

Последние слова он произнёс с лёгким конфузом. Одно, что действительно не мог определить этого промежутка времени, а второе, – уж очень удивились его вопросу и Сарый, и Шилема, совершенно несвязанному с предыдущей темой разговора.

– Если по вашему, современному календарю, – Сарый повернулся к красочному листу на стене. На нём, двусмысленно улыбалась полуголая девица и предлагала колготки со словами: – «Хочешь?» Внизу лепились едва заметные столбики помесячных дат, – то скоро уже будет восемь месяцев. А что?

– Да так, – рассеянно проговорил Иван. – Ладно... Скажи, Шилема, а зачем тебе это надо делать? Там, дома?

– Как зачем? Я – воительница!

– Воительница? – Иван поднял брови и переглянулся с Сарым, пытаясь по его реакции определить отношение к высказыванию Шилемы.

Взгляд Учителя ничего не выражал, наверное, он давно знал о таком статусе временницы. Но Иван-то слышал впервые. Но позже оказалось, что и Сарый не очень был осведомлён о её занятии.

– Против кого же ты воюешь? – без тени сарказма, как можно было ожидать от него, спросил Иван.

– Не против, а за! – с непонятным вызовом звонко сказала Шилема. – За правду, за тех, кого обижают неразумные или позабывшие, кто они есть, правители!

– Понятно, – подумав, отозвался Иван. И продолжил, уже для Сарыя. – Ещё один Радич, но в юбке.

– В штанах. Я тебе уже говорил. Юбку она никогда не носила!

Заметная неприязнь сквозила в высказывании Сарыя. У него даже лицо перекошилось, так отрицательно он настроился против Шилемы. Было за что: обзывает его при Ване Занудой, за стол уселась есть. Могла бы и отказаться, когда Ваня её пригласил...

– А вы думаете отсидеться, когда в мире твориться беззаконие? – воскликнула она. – Зануда этот всегда... – Иван предостерегающе поднял руку. – Не буду! Но ты, КЕРГИШЕТ? Все знают, что с твоим приходом...

– Не все! – перебил её Иван.

Он не хотел выслушивать очередной бред о том, что он должен, обязан, что ему надо бы делать против его воли и желания.

– Не важно! – парировала Шилема. – Все или не все. Но ты, как КЕРГИШЕТ, должен...

– Запомни! Навсегда! Я никому ничего не должен! Я никому, кроме моих Учителей, не обязан!

– И это ты говоришь мне? Да я о тебе знаю всё! – веско сказала Шилема, понизив голос. – И как ты вытаскивал аппаратчиков из прошлого, и как ликвидировал мешок Сола, и как ходил в будущее, и как носил и носишь кое-кого на руках в Кап-Тартар, и как...

– Ты можешь помолчать? – устало спросил Иван.

Шилема стала его утомлять. Пора было решать, что с ней делать.

– К нам кого-то принесло, – недовольно вклинился в разговор Сарый и ревниво осмотрел стол; кормить ещё кого-то он не собирался.

Из комнаты доносился шум.

– Кто там? – крикнул Иван, довольный появлением кого бы то ни было. Вот и причина расстаться с навязчивой временницей.

– А-а. Вы здесь. А я уж думал, никого нет. – Арно вошёл на кухню. – Шилема?!. Здесь?!.

– Как видишь... – неохотно ответил Иван.

Ему почему-то стало неприятно оттого, что Арно знает Шилему, а вот он встретился с ней впервые.

– Уже напросилась?

– Ты знал?

На неприятный осадок накладывалось подозрение.

– Догадывался, но... И что? Уговорила?.. А если не уговорила, – Арно сделал паузу, – то я бы её взял.

Сарый закивал головой.

– С чего бы это? – непритворно удивился Иван, обводя взглядом высокую фигуру Арно с ног до головы. Подозрительность превратилась в уверенность. Иван неприязненно спросил: – Твоя работа?

Арно открыто улыбнулся и, не обращая внимания на вопросы КЕРГИШЕТА, высказанные холодным тоном.

– Не моя, – не переставая улыбаться, сказал он. – Но я с первого дня знал точно, что она тебя достанет. Это же Шилема! Она трёх мужчин стоит! Ты только посмотри на неё непредвзято.

– Насмотрелся уже, – недовольно огрызнулся Иван и нахмурился, отвёл глаза от Арно, чтобы не видеть его светящегося в довольной улыбке лица.

Ему показалось, что все разговоры с временницей, смех Сарыя по каждому поводу в этом разговоре, а теперь предложение Арно, сделанное почти со счастливой улыбкой – всё это походило на плохо отрежиссированный спектакль со случайными актёрами. На роль ответственного критика назначили его. И в этом качестве ему навязывали против его воли признать весь этот балаган за шедевр.

А спектакль продолжался, порой переходя в фарс.

– Нет, – возразил Арно. – Ты посмотри на неё пристальнее. Она же страшная, как осенняя коряга. Никому даже в голову не придёт, что она девица. Буквально. Но она страшна и в драках. А этого добра, если я тебя правильно понял, у нас будет достаточно. Она владеет

мечом, кинжалом, огнестрельным оружием. А противостоять ей в рукопашной я бы никогда не стал... И потом, она – седьмая!

Всё это Арно выложил почти на одном дыхании, чтобы его не прервали. Ивану же казалось, что Шилема вот-вот вспылит и выскажется по поводу прямого оскорбления со стороны Арно об её внешнем облике, он же назвал её «страшной, как осенняя коряга». На её месте ни одна из женщин не простила бы такого выпада в свой адрес. Но ничего не происходило. Напротив, каждое утверждение Арно она сопровождала согласным кивком. И как только Арно замолчал, добавила:

– Я воительница! Ты, КЕРГИШЕТ, должен меня взять! У меня появилось время, чтобы посвятить его твоему благородному делу!

– Какому ещё делу? – слабо запротестовал Иван. – Да ещё благородному?.. Нет никакого дела! У меня...

– КЕРГИШЕТ без дела во времени и в параллельных мирах не ходит! – убеждённо сказала Шилема.

Она произнесла это с такой уверенностью и нажимом, будто вбила кол и зафиксировала точку отсчёта, от которой должно было следовать всё остальное, о чём здесь уже обсуждено и будет ещё сказано, и выжидательно посмотрела прямо в глаза Ивану.

Иван же рассеянно смотрел на неё и на ищущий взгляд не отвечал. У него произошло странное раздвоение сознания. Он сидел за столом на своей кухне, знакомой ему досконально, и, в то же самое время, видел какие-то незнакомые тени, в окружении которых он вот так же сидит, а рядом с ним расположилась Шилема в необычном одеянии и также смотрит ему требовательно в лицо, а он размышляет и колеблется. И как будто горит костёр... И ночь или сумерки...

– КЕРГИШЕТ, возьми, не пожалеешь! – вывела она его из раздвоенного состояния.

Иван тряхнул головой, прогоняя видение.

– Арно, я тебе верю, – негромко проговорил он. – Но она будет на твоём попечении. А ты, Шилема, от него ни на шаг. И потом... – Он выпрямил спину, продолжил уже другим, деловым голосом: – Запомни! Командую я! Все члены команды равны между собой, но подчиняются мне. Понятно!

– А ты, КЕРГИШЕТ, тиран, – высказалась и даже не моргнула Шилема. – Но я согласна.

– На то надеюсь. Тогда... Арно, ты ради неё пришёл?

– КЕРГИШЕТ, ты так ничего и не понял. Она сама по себе, я – сам по себе. Я принёс оружие. Давай посмотрим, отберём.

Сборы оказались долгими

Команда, за исключением Джордана, собралась через два дня независимого времени после появления в ней Шилемы.

Эти дни были заполнены не столько заботами о снаряжении и подготовке к выходу в перливый мир, сколько решением каждым из ходоков внезапно, как это часто бывает, возникшим или давно требующим того дел. Все понимали – что бы там не представлялось им в их предположениях, но направляются они в пасть неведомого для них события...

Иван не рискнул встретиться с Ил-Лайдой, ожидая, что она будет напрашиваться идти с ним к перлям, а ему не хотелось выслушивать от неё ни просьб, ни упрёков, и, естественно, решительно отказывать.

После долгих колебаний – за и против, отправился в становище Дигона.

Бывший кушер в"ыга, хотя и выслушал слегка расплывчатые аргументы Ивана о предстоящем походе в Лондон будущего в параллельной струе времени, но к желанию его и других ходоков вторгнуться в агонизирующий чужой ему и им мир отнёсся с сомнением. А, узнав

имена тех, кто собрался с ним туда идти, одобрил только Шилему. И назвал целый перечень доводов в её пользу.

– Она тебе будет лучшим помощником, чем остальные, – заверил он после всего сказанного.

– Ты-то откуда её знаешь, – не без интереса осведомился Иван.

Его поражало отношение ходоков к Шилеме.

Оказывается, все её знали и, что было совершенно непонятно Ивану, уважали. Симон и тот, сухо, правда, но одобрил его выбор.

– Она правильная женщина, – ответил Дигон на вопрос Ивана. – Она умеет видеть то, что иногда скрыто от нас.

– Учту, – сказал Иван. – Такой человек в команде нужен.

Дигон не оставил без внимания Хиркуса.

– Ты ему воли не давай. Он всегда играет. Даже там, где этого делать не надо. Это не всегда хорошо. Может заиграться и даже возомнить о себе не нужное.

– Учту, – согласился Иван и с этим мнением Дигона.

А сам снова подумал, что артист «всех времён и народов» будет тем, кто окажется либо помехой команде, либо вообще лишним в ней.

О Джордане бывший кушер промолчал, хотя при перечне имён неприязненно поморщился, словно проглотил какую-то гадость.

На пиру в честь живого Бога Времени, устроенного Дигоном, Иван познакомился со своим именным жрецом. В его обязанности входило три раза в день производить воскурение какой-то пахучей смеси трав во имя Бога Времени, то есть КЕРГИШЕТА.

Жрец был молод, силен телом и красив лицом и осанкой. Но, увидев «Бога Времени» в плоти, впал в транс и стал пророчествовать на непонятном Ивану языке, который, оказывается, прекрасно знал Дигон. Он стал переводить, на взгляд Ивана, этот чистейшей воды бред. В основе его лежало некое словосочетание, словно заклинание: – «...и тогда Бог Времени придёт и скажет...» Происходить такое будет неоднократно: в защиту кого-то, в наказании каких-то страшилищ, в установлении для кого-то строгого порядка...

Иван только и смог, что приглаживал встающие на затылке волосы от изумления и пожимал плечами. А когда узнал о посвящении ему, как Богу Времени, Зинзы, вообще приуныл. Он ведь, честно говоря, отказавшись от свидания с Ил-Лайдой, ради неё посетил Дигона. Она же теперь посвящена Богу!

Но всё было не так, как ему померещилось. Оказалось, что её близость с ним не возбранялась. Напротив, приветствовалась. Для того в становище поставили отдельный шатёр со всеми удобствами, которые значились в данном времени, то есть далёкими от цивилизованных.

В этот шатёр он и был отправлен в сопровождении собственного жреца. Там его с нетерпением ожидала Зинза...

Надо было сходить в Кап-Тартар к Джордану и предупредить его о скором прибытии команды, вернее, назвать ему список тех, кто пойдёт с ними в перливый мир. Пусть всех знает загодя, и если кто-то ему не понравится, пусть перекипит до того, как они придут в Фиман.

Иван, опережая события, поступил правильно. Так как ему от местного ходока пришлось выслушать несколько нелицеприятных замечаний о членах набранной им команды. Правда, Иван внимал рассуждениям Джордана рассеянно, так как был готов к такому приёму. Поэтому никакого внимания им не придавал, за исключением, быть может, речи о Шилеме.

– Бывает она тут. Зачем-то ходит на окраину, где время скачет туда-сюда. Туда иному войти легко, выйти – трудно. Она из вашего мира, а вот не боится... Да. Однажды я хотел... – не говорил, а мямлил Джордан, как если бы повторял чужие, а не свои мысли. – Ну, шастает она тут, а ко мне не подходит. Увидит меня и отвернётся. Я и хотел с ней познакомиться... Поговорить, узнать, что у нас делает...

– Не тяни! – прервал его, наконец, Иван. – Чем закончилось твоё хотение?

– Я и так... Я к ней, а она на меня как... посмотрит! Моего хотения и не стало... Дигон, когда я с ним ещё... Это когда мы с ним были... Не дружили, конечно, но и не враждовали. Так вот он мне до того сказал, чтобы я и не пытался её задирать... Она же, как змея на меня посмотрела. Чувствую, ноги слабнут, а во рту слюна горькая. Едва ушёл.

– Что означает – едва ушёл? – спросил Иван.

В сказанном местным ходоком ощущался привкус какой-то не то мистики, не то обыкновенной фантазии. Что-то сам Иван никакой слабости после взгляда Шилемы не почувствовал. Да и другие ходоки ничего такого, говоря о ней, не упоминали.

– Ноги у меня ослабли, вот и ушёл от неё едва, – пояснил Джордан и тут же поторопился высказаться до конца: – Но ты, КЕРГИШЕТ, не бойся. Это она так, чтобы я к ней не приставал. Дигон тогда же говорил, что она, вопреки другим временницам, наша и никого из ходоков не обижает и не обидит. Зарок, мол, о том дала.

– Будем надеяться, что так оно и будет.

Они тут же договорились об оснастке местного ходока.

Джордан согласился вооружиться.

Однако при этом долго вертел в руках холодное и огнестрельное оружие, принесённое Иваном. От огнестрельного – кольта – отказался сразу, объяснив свой отказ в резкой форме:

– Это не для людей, а для зверей!

Из остального – выбрал только нож-финку.

Зато новой одежде обрадовался. Как он объяснил, местные модели ему опротивели уже давно. (Он сказал, естественно, не «модели», а «дурацкие выдумки портных»).

Ходоки же идут сюда, но никогда даже не подумали о нём, чтобы как-то приодеть его приличнее. И вот лишь КЕРГИШЕТ вспомнил о нём, сиром. Спасибо КЕРГИШЕТУ! Самому-самому человечному ходоку из ходоков – КЕРГИШЕТУ... Тому, кто о нём порадел...

– Всё сказал? – неприязненно оборвал Толкачёв его славословие.

– Пока всё, – сказал Джордан и с хитрецей посмотрел на Ивана, мол, как я о тебе тут высказался?

– Ещё раз весь этот перечень или часть его о себе от тебя услышу, пеняй на себя! – как будто спокойно и даже миролюбиво сказал Иван.

Но Джордан почувствовал сдерживаемую угрозу в свой адрес. Опасливо посмотрел на собеседника и сказал:

– Да я так, к слову... Шуток не понимаешь?

– Шутки понимаю. Но шутка шутке – рознь. Понятно?

– Понятно, – буркнул местный ходонок.

Однако не только личные интересы послужили ходокам отодвинуть сроки ухода в Кап-Тартар и через него в будущий Лондон. Случилось нечто едва не оттянувшее поход в перливый мир на долгое время, а, может быть, и навсегда.

Симон усталый, но явно чем-то довольный, появился в квартире Ивана к вечеру, накануне сбора команды.

Сам хозяин тоже вернулся домой часом независимого времени раньше и неторопливо собирал в дорогу рюкзак, размышляя над каждой вещью – брать или не брать.

Сарый в позе матери, провожающей родного единственного сына в опасное, потому ею не одобряемое, путешествие, сидел в кресле и молча наблюдал за действиями ученика, сопереживая каждому его сомнению в выборе необходимого в дороге. Кроме того, в нём боролись противоречивые чувства. Коль Ваня настроился посмотреть нечто необыденное, то кто его остановит? Да и надо ли удерживать?

И всё же Сарыя мучили нехорошие ожидания от всей этой его затеи. Ему хотелось выложить Ивану свои ощущения, предостеречь, а лучше всего – остановить его.

Появление Симона внесло оживление в затянувшуюся молчаливую тишину, висевшую в комнате.

Иван вскинул глаза на Симона. Тот ещё ничего не сказал, а Иван по его виду сразу понял, что у ходоков опять что-то произошло, и ему придётся поучаствовать в каком-то срочном мероприятии.

Симон кивнул головой в знак приветствия и сказал:

– Мы их нашли!

– Сколько? – живо спросил Сарый и привстал.

– Трое.

– Те же?

– Они. Мы их узнали. Выследил их Щенек.

– Вы о ком? – напомнил о себе Иван, он никак не мог вникнуть в диалог Учителей.

– Мы о тарсенах. Помнишь, мы с тобой...

– Помню. Из совершенно другого... как Вы тогда называли? Из другого пучка параллельных миров. И что?

– Пусть будет – пучка. Я хочу, чтобы ты с ними познакомился как можно ближе.

– Подраться, что ли?

– Я сказал – познакомиться, – нахмурился Симон и продолжил с укором: – Тебе лишь бы подраться.

– А что ему, молодому? – добавил Сарый. – Силу девать некуда... Вот и собрался в неведомые края силу свою...

– У вас научился! – тоже хмурясь, сказал Иван, недовольный высказыванием Сарыя о его сборах. Да и представление Учителей о его будто бы вечной готовности подраться тоже было не из приятных. Такое впечатление, что он и вправду спит и видит, с кем бы подраться. – Вы же сами выясняли с ними отношения на кулаках.

– Ваня! Ну, до чего же ты всё принимаешь буквально, – укорил его Симон. – Тогда сложилась именно такая ситуация. Вот и пришлось. Теперь они знают нас в лицо. А тебя нет. Но нам необходимо за ними последить, присмотреться... Вот это я и имел в виду.

Учители стояли, а Иван, раздвинув в стороны, не вошедшие в рюкзак пожитки, сел на диван.

– Вы думаете, это так просто? Что я им скажу? Здравствуйте? Не хотите ли со мной познакомиться? А они мне: – Зачем это? И уйдут в поле ходьбы. Мне за ними бежать и упрашивать?

– Никуда они пока что не уйдут. Они, оказывается, неплохо устроились в нашем мире. И совсем недалеко во времени. В Париже. В тысяча шестьсот шестьдесят четвёртом году. Мы их там нашли весной. Довольно искусно изображают купцов с Востока. Тюрбаны, халаты...

– На каком языке они говорят?

– Вот это, я думаю, не важно.

– Но всё-таки. На французском или ... На Востоке языков много. Мне бы их послушать, чтобы изъясняться.

– Они сами ни какого-либо восточного, ни французского не знают. Впрочем, я тоже их не слышал, а Штенек не способен определить. У него лингвама нет.

Иван в задумчивости потёр щеку.

– Ладно, послушаю, разберусь.

– Не в том суть, разберёшься ты с языками или нет. Этого, возможно, и не надо будет. Им постоянно нужны носильщики.

Сарый захлопал носом от смеха, напомнил фразу, когда-то давшую Ивану путёвку к самостоятельному выходу в поле ходьбы:

– Это, Ваня, может. Может быть, силы поубавятся, чтобы...

– На то и надемся. Ты, я думаю, им понравиться сразу. В Европе того времени малый ледниковый период в самом разгаре. Люди мелковаты, по сравнению с твоими современниками. А язык... Изобрази из себя немного или выходца из не этих мест. Так будет, пожалуй, лучше. Во всяком случае, они не должны знать, что ты их понимаешь. К тому же нам нужен пока не переговорщик, а наблюдатель. Так что... Что, Ваня?

Иван изобразил на лице кислую мину, словно его обидели.

– Как что, Симон? Вы же знаете, что я собрался, и не один, в перливый Лондон. Завтра поутру мы здесь все соберёмся. Неужели кроме меня никто не сможет быть наблюдателем?

– Можно, конечно. Но ты сразу попадёшь к ним на глаза, как могущий перенести больше остальных. К сожалению, таковых у нас не густо. Ты же забираешь с собой и Арно, и дона Севильяка, а они могли бы тебя заменить.

– Это удар ниже пояса, – сказал Иван и вспомнил Шилему. – А он запрещён.

– Кем?... – Иван не ответил на вопрос Симона, и тот продолжил: – Перестань, Ваня. День-два реального времени погоды не сделают. В Лондоне появишься часом позже, часом раньше. Невелика потеря. А тут... Тарсены пока там. Но, кто знает, что у них в головах. Носильщиками они пользуются уже несколько дней.

Иван вздохнул, с печальной улыбкой глянул на Учителей. Они ждали его решения.

– Когда Вы меня, Симон, вот так начинаете уговаривать, мне становится неприятно это слышать. Лучше уж скажите напрямую, мол, надо. А то вокруг да около ходите... А! Не привык я к просьбам, высказанным таким образом. Куда я должен пойти?

– Вот и прекрасно! Идти тебе надо... – Симон назвал координаты точки зоха.

Раннее утро – предтеча знойного дня. Центр Парижа. Торговая площадь. Многоголосица: людей, занятых продажей и покупкой, ржания лошадей, мычания пригнанного на мясо скота, блеяния овец, кудахтанья кур...

Чуть в стороне от торговой площади у двухэтажного строения столпился с десяток человек, казалось, всех цветов кожи – от розово-белой до тёмно-ночной. Все они друг друга знали, за исключением одного. Он сегодня подоспел сюда раньше всех, принял позу скучающего повесы и ни с кем не общался. Выше любого из них на две головы, с мощным торсом, без признаков полуголодного существования, он, тем не менее, одеждой не отличался от остальных. Она была ветхой, он в ней спал и ел, о чём говорили помятости и обильные пятна на голубых когда-то панталонах и рубашке апаш. Лицо и руки в давней грязи, а запах немытого с рождения тела сливался с таким же амбре собравшихся.

Каждому становилось понятным, что сегодня этот увалень с полусонной физиономией в первую очередь обратит на себя внимание и получит работу, а тем, кого отберут дополнительно к нему, а он заменит троих, придётся с ним общаться. Оттого хотелось бы оказаться к нему поближе и тоже попасть в поле зрения работодателей, но лучше бы сделать так, чтобы он пошёл отсюда куда подальше и поискал бы работу там, а не здесь.

Ивану большого труда стоило изображать спокойствие и равнодушие, когда на тебя посматривают подозрительно и с нескрываемой неприязнью. Он понимал этих жалких оборванцев, живущих одним днём. Испитые лица, рваньё, не знавшее стирки, хриплые голоса – всё это так не походило на прекрасные фильмы о трёх мушкетёрах, которые жили как раз в этом настоящем времени, если, конечно, верить Дюма.

Щенек, ничем не примечательный ходок, на вид лет пятидесяти, вчера поздно вечером показал Ивану тарсенов. Три хилых мужичка, схожие между собой восточными халатами, кинжалами в ножнах за цветными поясами, осторожно перешагивая кучи грязи и лужи от выплес-

нутых на улицу помоев и воды, проследовали к двери, у которой сегодня с раннего утра собрались желающие получить от них работу.

Купцы с Востока в Париже хотя и не редкость, но эти трое, по словам Щенека, привлекли к себе внимание тем, что не торговали, а покупали, или точнее сказать, скупали. И не только то, что производилось в самой Франции и привозилось из Нового Света, но и восточные товары, особенно шёлк. Почему они решили делать покупки здесь, в столичном городе, славящемся дороговизной жизни, а не где-нибудь в портовом городе, где и товаров больше, и цены значительно ниже, оставалось загадкой.

Единственное, что смогли предположить ходоки, – это то, что у них где-то рядом была сквозная своеобразная точка зоха для проникновения из своего мира напрямую в наш.

Иван в принципе согласился с такой точкой зрения, но и ощущал всю зыбкость подобного объяснения, поскольку он уже походил в поле ходьбы рядом с этой дверью.

Второй загадкой оставалось вообще бессмысленная, как будто, скупка вещей. Зачем и в таком количестве?

Здесь тоже можно было думать всё, что заблагорассудится. Например, что они настоящие купцы, нашедшие способ получать экзотические для их мира товары там, куда другим торговцам, кроме них, путь заказан. Если это так, то пусть себе занимаются этим бизнесом. Зачем им мешать?

Однако пятеро ходоков во главе с Симоном и тарсены встретились и самым безобразным образом подрались. Ивану хотелось выяснить и понять, почему?

Щенек долго не отвечал по существу вопросов, задаваемых Иваном. Потом, когда уливаться уже не было никакой возможности, он оглянулся, словно кто-то за ним подглядывал, и негромко сказал:

– Мы ведь тоже ищем вход в их мир. Наверное, подошли слишком близко к нему, и встретились почти носами. В поле ходьбы. Вот и...

Иван даже присвистнул от неожиданного признания.

– И давно ищите?

– Давно-о... Но-о – Щенек затягивал гласные в конце слов, отчего выговаривал на одной ноте. – Я недавно-о у Симона-а, но-о он говорил, что-о давно-о.

– Тихушники несчастные, – пробормотал себе под нос Иван. – Ладно. Попробую походить за ними, последить.

– Походи, Ваня. Может быть, узнаешь, где они проходят к нам.

– Нам-то это зачем? Проходят и проходят. Ну и пусть себе. Не хотят с нами знаться, так это их дело.

Щенек засомневался, наверное, никогда не ставил перед собой такого вопроса.

– Мы ходоки во времени, – стал он говорить нараспев, – и они ходоки во времени. А потом, ты у нас появился. А, КЕРГИШЕТ, говорят...

– Всё! – оборвал его Иван, потому что не хотел выслушивать нового толкования того, что он должен, обязан и для чего, вообще, появился на свет...

И вот он стоит в окружении недружелюбной компании. Один лишь их вид вызывал у Ивана разноречивые подозрения. Не так уж они хилы, просты в обращении и солидарны между собой, как хотят показать друг другу, да и ему, новичку в их среде. Правда, всё могло быть и проще: люди ищут работу, чтобы существовать, а он и каждый из них явился претендовать на её получение, отбивая надежду у соперника.

Тарсены появились сразу втроём, будто триединое существо точно в таком же порядке, как и вчера. Равнодушно осмотрели людей, ожидающих от них работы. Тот тарсен, что был ближе к Ивану, пожалуй, не задумываясь, экономным движением ткнул полусогнутыми пальцами в грудь пятерым, в том числе и Толкачёву (в живот), и зашагал за своими товарищами без оглядки. Был уверен – избранные им носильщики, идут следом.

Иван перевёл дыхание. Ему казалось, что первая лицом к лицу встреча с тарсенами, в самый начальный её момент, будет необычной, значимой и для него и для псевдокупцов с Востока. Оттого внутренне готовился и находился в напряжении, пока они не появились. Но оказалось всё значительно проще. Тарсенам, похоже, было всё равно, кто к ним сегодня пришёл и ожидал под дверью в поисках чёрной работы – носить купленное ими: вчерашние или новички.

Четверо избранных, живо переговариваясь между собой, плотной группой поспешили за тарсенами. Замыкающим, отстав на шаг, оказался Толкачёв.

Им вдогонку зазвучали выкрики, по-видимому, нелестного содержания. Лексика была явно ненормативной и не имеющей отношения к французскому, поэтому лингвам Ивана пока что не мог быстро освоить её, чтобы понять эпитеты, посылаемые им вдогонку. А тот французский, который знал Иван, таких слов не имел или потерял их со временем. Чуть спустя, рядом с Иваном упал небольшой камень, явно брошенный в сердцах, а не для того, чтобы в него попасть.

Первым желанием было обернуться и запомнить не сдержавшего эмоций. Но поборол себя, и даже не отреагировал ни жестом, ни телодвижением, будто и не заметил этого.

Завтра они, может быть, уже будут более лояльны к нему, как никак, а появиться он перед ними уже не в первый раз и они будут знать, что выбор опять падёт на него.

Торговая площадь бурлила людьми и собаками, шныряли кошки, порхали пернатые, ржали лошади, орали ослы и мычали жвачные. Грязь невероятная везде, особенно под ногами; запах гниющих плодов и овощей, мочи и немых тел уплотнили воздух, пронизанный лучами восходящего солнца до осязаемости.

Иван сполна вкусил прелести такой силы, что едва не задохнулся. К горлу подступила тошнота. Правда, уже через несколько минут и запах, и невероятный галдёж, давящий на уши, притупились, дав возможность на всё взглянуть внимательнее. Впрочем, времени на то, чтобы оглядеться, посмотреть, кто торгует и покупает, чем торгуют и как, было немного.

Его первого, к вящей радости сотоварищей по делу, стали нагружать покупками.

Тарсены практически не торговались и платили без сожаления в основном, как заметил Иван, серебряными монетами. Здесь их уже знали. Знали их особенность – заплатить, не торгуясь, однако встречали недовольным ворчанием: что это за торг, если клиент молча подошёл, указал рукой на товар, выслушал цену и тут же выложил деньги?

Тарсены едва ли произнесли несколько слов за всё время. Они не говорили между собой, ни с торговцами, ни с нанятыми людьми. Жесты их были понятны, а плата зрима и щедра. Ворчали торговцы, однако провожали благодарными взглядами и, наверное, прикидывали в уме, насколько они обогатились, продав свой товар по явно завышенной цене.

А походя покупалось всё: обувь, головные уборы, поделки ремесленников, ножи, женские украшения...

Вскоре на плечи Ивана лёг увесистый тюк. Он таскал его не меньше трёх часов, если не больше, в течение всего того времени, пока тарсены обходили площадь и снабжали ношей других носильщиков.

Наконец, жестами, понятными и не требующими особой смекалки, чтобы их понять, купцы направились прочь от торга, и повели за собой цепочку навьюченных без меры людей по лабиринту узких улиц Парижа...

Это сейчас Париж, решительно реконструируемый в течение девятнадцатого и двадцатого столетий, имеет широкие проспекты, прямые улицы, просторные площади. Но Иван тащился с тяжёлой ношей тогда, когда здесь был ещё век семнадцатый, конец Средневековья...

Давно Толкачёв не носил на себе такого груза, чтобы не снимать его с плеч полдня. Обильный пот катился по его лицу. Рядом под тяжестью кряхтели его новые товарищи по работе. Ничто так не сближает людей, как совместный труд, к тому же не на себя, а на кого-

то. А когда Иван удержал одного из них от падения на скользкой дороге, то ото всех получил в ответ благодарные взгляды.

Казалось, шли вечность, прежде чем их путь закончился у невзрачной двери, охраняемой, тем не менее, двумя ражими стражниками. Кроме того, на двери висел громадный замок.

В чреве большого гулкого строения было пусто и чисто. По указанию тарсенов приобретённые вещи сложили компактной кучей посередине помещения. После чего каждый носильщик получил по монете. Счастливые лица парижан и их восторженная переключка, убедили Ивана, что тарсены проявили неимоверную щедрость. Сам он оценить полученную плату был не в силах. Давали бы рублями...

Впрочем, цены в его настоящем так быстро менялись, что Сарый каждый раз рассказывал это как о несчастье, так что и в рублях Иван тоже не мог бы оценить плату за проделанную работу.

Но не плата, а сам склад интересовали в это время Ивана. А в нём ничего, кроме старой кладки стен из скверно обработанного камня, он не рассмотрел. Ровная гладь пола, в центре кучей сложенные покупки, принесённые им и другими носильщиками. И – всё.

Правда, была одна деталь, на которую Иван обратил внимание случайно, когда надо было уже уходить. К тому времени его глаза хорошо адаптировались к сумраку, царящему в помещении. Вещи, оказывается, были сложены в круге, покрытом тонким слоем песка или чем-то другим, похожим на него.

Иван нагнулся и потрогал его рукой, вызвав внезапный гнев одного из тарсенов. Он закричал и замахал руками на Ивана. Уже, благодаря лингвату, можно было разобрать, что этого делать нельзя ни в коем случае и пора носильщику убираться вон отсюда.

Прикинувшись провинившимся и прикладывая к сердцу руки, Иван отошёл от круга. При этом он мучительно пытался выловить хотя бы одно знакомое слово из их сочетания, несколько раз повторённого тарсеном вслед за фразами, до того примерно расшифрованными лингватом.

Брань выходца из другого мира неожиданно выявила его некоторое отличие от людей, замеченное Иваном: несуразно длинная шея, совершенно круглые глаза и прижатые к голове уши, как будто треугольные зубы, делавшие его похожим на какого-то героя мультфильма.

Наконец этот тарсен умолк, с ненавистью посмотрел на Ивана и отвернулся. Другой из них, тот, что сегодня утром выбирал их для работы, тоже сказал, но теперь обращаясь уже ко всем носильщикам. Говорил он на французском, бытовавшем в семнадцатом веке, так что Иван понял его не без труда:

– Завтра... не приходите... Всё.

Мало того, он сделал жест, нарисовав в воздухе указательным пальцем круг. Это тоже был знак, понятный для всех – закругляемся.

Носильщики также знаками выразили сожаление. Тарсены платили хорошо.

У Щенека, в его небольшой каморке, Ивана поджидал Симон. Иван рассказал ему о дневных событиях и подвёл итог:

– Думаю, не сегодня, так завтра их здесь не будет. Уйдут к себе.

– Я такого же мнения, – задумчиво качнул головой Симон.

– Этот круг... Не может ли там быть окно между мирами, – неуверенно предположил Щенек.

– Хотелось бы так думать! – подхватил Иван идею ходока. – Это упростило бы нам задачу.

– Что ты этим хотел сказать? – вскинул на него глаза Симон.

– Ну-у, – Иван ругнул себя за сказанное, так как задуманное им было под силу только ему самому, а так не хотелось этим заниматься. – Пойду, посмотрю. Они вначале должны перебраться в свой мир то, что сегодня накупили. Они, по всему, так и поступают ежедневно в конце закупок. Ведь там у них не было ничего, кроме того, что мы сегодня принесли.

– Так, так, – поощрил Симон. – Но как?

Иван хитро улыбнулся.

– Вот давайте и подумаем сообща, как, – съехидничал Иван, продолжая щериться в улыбке.

– Ты, Ваня, становишься несносным... Ладно. Тебе следует посмотреть, есть ли в окрестностях твоего поля ходьбы для тебя закрытия. И ещё. Ты не обратил внимания на возможность в этом помещении, которое они используют под свой склад, где-нибудь укрыться в реальном времени?

– Наверное, – неопределённо проговорил Иван, запоздало коря себя за то, что не подумал о такой простой вещи, когда был внутри склада тарсенов. Размышляя, он сказал: – Оно довольно большое. Без окон. Стены как будто имеют ниши... Надо смотреть.

– Так, Ваня, – одобрил Симон. – Мы поставим рядом в поле ходьбы кордон из ходоков.

– Мне надо будет пойти за ними? – спросил Иван и опять подумал: – «Ну, куда я лезу?» Однако им уже владел азарт, заставляя сердце биться чаще и разогревая кровь.

Что ни говори, а тарсены из чужого мира.

Совершенно из чужого!

Если перли – те же люди, проживающие лишь в разных параллельных струях времени, разошедшихся всего веками раньше, то тарсены, по-видимому, откололись слишком давно. Так давно, что эволюция привела уже к отличию их облика от людей Иванова мира. У них, наверное, свои нормы жизни, цели и ценности. По иному построены сообщества разумных; быть может, даже нет стран и городов...

Так интересно на всё это посмотреть. Перливый Лондон стал тускнеть в глазах Ивана.

И другое его подвигало к тому, чтобы ринуться за тарсенами. Правда, он не хотел того признавать, но это возвращалось неоднократно в его помыслы, пока он разговаривал с Симонем и Щенеком. Тарсены – не потомки ли это людей Прибоя? Ветвь тех, освобождённых им самим из тисков Пояса Дурных Веков? За два миллиона лет они могли измениться значительно.

Но тогда получалось, что они далёкие правнуки современных людей, а современные – не от человекообразных приматов, а от них, тарсенов...

Круг замкнулся?!

Если так, то – вот это да!..

И всё это благодаря гению Пекты Великого, создающего сейчас, если рассуждать с точки зрения ходоков, временной канал для спасения соотечественников от исчезновения, загнав их по этому каналу за непреодолимый ни людям, ни природой, покусившейся на их жизнь, Пояс Закрытых Веков.

Но ведь тогда появлялась невероятная возможность пройти по этому кругу!

От начала до конца, которое будет началом!

И здесь сразу возникает вопрос: с чего, вернее, откуда начать? С перливого мира Лондона или от тарсенов? Войти в прошлое из своего или чужого мира?

Всё это промелькнуло в мыслях у Ивана за короткие мгновения, но они заставили его пережить милые его сердцу картины возбуждённого воображения совершить сверхъестественное турне во времени.

Он оцепенел, его остановившийся взгляд был направлен в сторону от Симона. Однако, занятый размышлениями, Учитель не заметил состояния ученика и разрушил нагромождение, возникающих с калейдоскопической частотой в голове Ивана, сцен и видений немыслимого путешествия, отрицая всё только что пережитое Иваном. Он сказал:

– Нет! За ними ходить не надо. Достаточно будет знать координаты этой... лазейки между нами и ими. – Он поскутнел. – По мне, лучше бы её не было. Вообще, я имею в виду. Мы же иногда думаем о них не совсем хорошо. Раз чужие, значит пришли к нам со злым умыслом.

Некоторые ходоки так и считают, что именно они, а не перли-самоубийцы виноваты во всех пакостях, чинимых как на дороге времени, так и в реальном мире. Кроме того, многие уверены, что тарсены первыми нападают на ходоков... Да, и что, например, могу думать я, если они на меня напали, считая, что я иду в поле ходьбы один? И будь оно так, не знаю, чем бы для меня та встреча с ними закончилась.

– Но тогда зачем надо за ними следить? Высматривать, куда они уйдут? Ничего не понимаю! – сказал Иван.

Сегодня Симон был похож на того, который говорил ему о перлях в стенах института в будущем. Он тогда вот также почти жаловался, что всё не так и надо чего-то бояться.

– Чтобы знать, – сказал Щенек, так как Симон не торопился отвечать Ивану.

– Зачем? Покупают они, продают. Ну и пусть! Встретились, подрались, разошлись. У них свои заботы и дороги во времени, у нас тоже свои. Что нам делить? Увидели и забыли о них! Не так уж часто наши дороги пересекаются, чтобы портить друг другу жизнь.

– Всё так, Ваня, если бы ты был прав, – наконец, сказал Симон. – Мы следим и ищем не ради противостояния с тарсенами. Здесь у нас нечто иное. Большая часть поверхности планеты доступна ходокам повсеместно, где мы с высокой точностью можем выходить в намеченную точку зоха. В этой части поле ходьбы, за исключением двух-трёх временных периодов, открыто и практически безопасно. Но небольшой пятючок, в который входит Франция и часть Испании, всегда для нас был головной болью.

– Из-за тарсенов?

– Возможно, но не только. Есть в этом регионе нечто странное. Для нас, ходоков. Какая-то аномальная зона. Некоторые её называют призрачной. Существует она издавна. Здесь порой появляются закрытия, которых до того не было, хотя в реальном мире никаких особых проявлений не наблюдается. Ни наводнений, ни землетрясений, ни катастрофических ветров. Тишь и благодать, а в поле ходьбы – сигнал, что выходить из него либо нельзя, либо вообще нет возможности его покинуть и проявиться в реальном мире. Но это ещё терпимо. Но вот некоторые ходоки не могут здесь подолгу, иногда до года, становиться на дорогу времени. Представляешь?

– Броневиц? – спросил Щенек.

– Не только он. Скольких мы не знаем. Ты вспомни Мгаму. Принесло его сюда, а уйти не мог почти полтора года.

– Да. Сидел на этом острове... Как его сейчас называют?

– Там давно уже не остров.

– Но он-то сидел на острове.

Симон не стал развивать новую тему, вернулся к прежней.

– Таким ходокам приходится уходить в те места, где они могут это сделать. А это не так-то просто сделать. В твоём настоящем можно сесть на поезд или лететь самолётом. Несколько часов и ты покинешь этот пятючок. А что делать ходокам прошлого? Дороги реального мира опасны и малопроходимые. Надо перемещаться на сотни километров через леса, болота... И, потом, куда?.. На пути у них другие страны, племена, народы... Впрочем, покончим с этим! Ты, Станислав, – обратился он к Щенеку, – собери наших сюда через полчаса. А ты, Ваня...

– Мне, пожалуй, пора. Пойду и вернусь часа на три. К этому времени они, наверное, уйдут, так что я где-нибудь там найду для себя укрытие и посмотрю, что произойдёт позже.

– Так, – одобрил решение Ивана Симон. – Только не зарывайся.

– Как получится.

Получилось не очень гладко, как это хотелось или мыслилось.

Проявляясь, Иван ожидал окунуться во мрак закрытого на ночь помещения, но здесь царил призрачный свет, исходящий от круга. Тёмная куча тюков, принесённая сюда днём, резко выделялась на его фоне.

Свет – не сумрак, – обрадовался Иван, – только подспорье.

У Щенека ни электрического фонаря, ни спичек не оказалось, а идти за ними в своё время Иван поленился, вот и был рад освещению.

Конечно, создаваемая песком круга светотень, искажала видимость. Тем не менее, Иван вскоре нашёл, как ему показалось, надёжное, хотя не совсем уютное, местечко в виде глубокого западка в стене почти под самым потолком. Лежать в нём, согнувшись в три погибели, было неудобно. Здесь скопилась влага, оставшаяся, может быть, ещё с зимы или после дождя из-за протечки кровли. Но ничего другого подходящего Иван больше не нашёл. Вот и залёг он, поджав ноги, как в засаде, памятной с войны.

Он стал уже в душе чертыхаться, так как время шло, а вокруг ничего не происходило. Ноги затекли, промокшая одежда не грела. Он ворочался, устраиваясь в тесной нише так и эдак, но любая поза уже не давала облегчения.

И только он решился спрыгнуть вниз, размять ноги и согреться движением, как вспыхнул яркий свет. Казалось, его излучала каждая частица воздуха. Высветились все потаённые углы склада, в том числе и укромное, как думалось, убежище Ивана. Он был сейчас весь на виду. И как он ни вжимался и ни сжимался, его можно было видеть с любой точки помещения. Тем более, от круга.

А на нём и вокруг него разворачивалось действо, ради чего здесь Иван и появился.

Вокруг кучи вещей плясали какие-то существа.

Приглядевшись, он даже не поверил увиденному. Именно так описывают и изображают чертей в русских лубках и на картинах художников. Чёрные цветом, тощие, с головами-шарами и... рожками на них. Росточком от силы в метр и коленки...

Коленки-то – назад!!

Копытц только не видно, вместо них ступни как в широких шлёпанцах.

Они водили хоровод в своеобразной ритмике: несколько скачков боком влево, потом задом вправо. Опять бочком влево... Задком вправо... При этом их по кошачьи гибкие тела извивались и принимали уморительные позы. Мало того, в такт движениям они пели, вернее, воспроизводили звуки, не лишённые мелодичности.

Зачарованный необычным зрелищем, Иван отключился, не замечая времени и неудобной позы.

– Тум-тум, тумтум!.. Тум-тум, тумтум!.. – стучало в его голове в такт водящим хоровод.

Но пляска продолжалась не долго. Свет неожиданно мигнул и исчез на секунду, зажёгся вновь и стал медленно гаснуть. Но ни вещей, ни пляшущих вокруг них созданий не стало, будто недавнюю оживлённую картинку выключили вместе со светом.

Раздумывая, кинуться ли за ними вдогонку или присоединиться к ходокам, окружившим этот пятачок поверхности земли, во главе с Симоном, Иван стал выбираться из своего укрытия. Оказалось, что залезть в него было намного легче, чем выбраться. Длинные затёкшие ноги цеплялись за несуществующие выступы, ломило всё тело из-за принятия неестественных поз каждого его члена и каждого сустава. Песок круга тускло светился и едва рассеивал темноту.

Наконец, ноги коснулись пола, Иван с удовольствием прогнулся, потянулся до хруста в костях и повёл плечами, выгоняя из себя мозглость и оцепенение.

Бездумно постоял у призрачного круга, машинально отмечая в нём едва заметные светотени, заткавшие его пространство. Глубоко вздохнул и решил всё-таки податься к Симону. Рассказать, как тут всё было. Подумал так и, усмехнувшись, вспомнил:

– «Испугался чертёнок, и к деду, рассказать про Балдову победу...»

Но вновь вспыхнувший яркий свет ослепил его.

Иван непроизвольно прищурил глаза, а когда смог видеть, то вздрогнул от страха и омерзения, так как оказался в тесном окружении тварей, напавших на него по дороге из оазиса трёхглазых. Он тогда избавился от них, несколько раз перескочив из мира в мир, обгоняя их

на переходе. Но если те ничего, кроме своих когтей и клыков не имели, то эти были вооружены кинжалами и палками. Да и глаза их, диковатые и тусклые, всё-таки были более осмысленными.

Сказать, что такое окружение застало Ивана врасплох, – ничего не сказать. Ничего подобного он не ожидал. Но и для этих тварей, по всей видимости, он стал такой же внезапной непредвиденностью. У некоторых из них отвалилась челюсть от страха или неожиданности, а иные попятились, отгораживаясь от него телами сотоварищей.

Готовый уйти на дорогу времени, чтобы совершить однажды уже испробованный манёвр, Иван медлил. Эти существа не походили на тарсенов. Впрочем, как и предыдущие, недавно совершающие танец вокруг вещей. Такое разнообразие способных ходить во времени людей и других, и то, что разумных созданий, столпившихся в одной точке зоха, и, по всей видимости, не спонтанно, а, напротив, целенаправленно, могло заинтриговать любого, тем более Ивана...

Это как ходить по просёлочной дороге в ясные погожие дни середины лета. Сухо, земля тёплая, босиком пройти по ней – наслаждение. Кругом зеленеет трава, листва на деревьях едва колыхнется ветром, отчего слух улавливает лёгкий ласкающий шумок. Дорога прямая, светлая, зовущая вдаль. И главное, по ней не страшно пройти и одному. Людей нет, зверьё, если оно и есть, где-то прячется в зарослях...

Именно так Иван вначале ходил по дороге времени.

Затем, оказалось, что не так всё хорошо на этом просёлке по мере течения времени. Вот и осень, дожди, сумрак, похолодало. Земля превратилась в грязь, листву сорвал завывающий ветер, даль скукожилась, а под ногами появились следы «неведомых зверей», а на самой дороге тесновато от других идущих неведомо куда путников. Да кто-то рядом, за оголённым придорожным кустарником бормочет или чавкает, жадно пожирая кого-то. Идёшь и оглядываешься.

Жутковато...

Но коль скоро есть возможность обезопасить себя каким-либо образом – незаметно скрыться или убежать, то становится любопытно, кому это ещё не сидится в такую непогоду, что заставило его мокнуть под дождём? Не совпадают ли у них интересы?..

Такое уникальное явление, как ходьба во времени, на глазах Ивана расширяло свои границы, увлекала, требовала осмысления...

Время шло, истекая секундами, а в возникшей немой сцене встречи Ивана с тварями ничего как будто не менялось.

От Ивана

У меня от них челюсти свело, но они меня тоже испугались.

Точно!

Жмутся друг к другу, и нападать на меня, смотрю, не торопятся. Побаиваются или чего-то ждут? Но мне от того не слишком хорошо. Прижат я к кругу, а ступать в него я не рискую, вдруг, провалюсь или перемещусь куда-то, куда исчезли в одночасье покупки тарсенов.

Всё-таки, пошёл по шерсть, а придётся возвращаться стриженным...

Это я так о себе не очень-то весело подумал. На мне стоптанные башмаки, штаны из грубой ткани и безрукавка – грудь нараспашку. Всё влажное, тяжёлое, неудобное... И больше ничего. В руках тоже пустота. Их же передо мной с десятков, и вооружённых. Чем попало: палками с заострёнными концами, дубинками и даже, вон, топорами на длинной рукояти, ножами...

Но почему? Кто их вооружил таким образом и зачем? Против меня, памятуя первую встречу с ними? Если, конечно, это были те же, что напали на меня на дороге из оазиса трёхглазых, в чём я сомневался. Тогда против кого? Предыдущих тварей? Что же тогда происходит

на дороге времени? Одни охотятся за другими? Мы за ними подглядываем, а кто-то, кто знает, может быть, всем этим дирижирует.

Во! сюжетец!

А тут ещё и свет стал снова гаснуть, как в кинотеатре – медленно, словно в задумчивости.

Я стал их видеть хуже, зато они слегка ожили. По меньшей мере, произошло какое-то среди них движение: одни подались в сторону, кто-то выдвинулся вперёд. Сдвинулись не на много. На шажок или на полшага. Впрочем, всё это мне могло показаться, потому что на отрезке пространства, разделяющего нас, в воздухе происходило быстрое мелькание тёмных и светлых пятен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.